

Е . М А Р К О В

РБС/1454

В ГОРАХ АБХАЗИИ

65 коп.
пер. 20 к.

1 9 3 0
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

R 51
1454

✓

ЭБ

3E

R 51
1454

Е. МАРКОВ

В ГОРАХ АБХАЗИИ

РИСУНКИ
П. АЛЯКРИНСКОГО

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Валовая, 128.
Главл. А-50172. Д. 41. Гиз 35055.
Заказ № 2607. Тираж 7 000 экз.
8 $\frac{1}{2}$ п. листов.

2007084300

1. ОТ СУХУМА — К ВЕЛИКОМУ ХРЕБТУ

Середина августа. Душно и знойно в Сухуме. И даже море с его бризами и влажным дыханием не облегчает этой томящей жары.

Заманчиво синеют вдаль, на севере, очертания великого хребта. Ослепительно сияют пятна вечного снега и ледников на его вершинах. Мысль все чаще бежит туда, далеко, в прохладные ущелья, к гремящим по камням студенным ручьям и шумным водопадам, на широкий простор зеленых лугов и ароматных цветов. Там, среди зарослей вечно зеленых рододендронов, шныряют проворные тетерева; там уныло-скромно белеют корявые березки; там ярко алеет гроздьями рябина; а там — выше — скалы, камни, лед и снег вперемежку и... туры, серны, горные индейки!..

Нет, нельзя сидеть дома, нельзя пропустить лучшего для горной охоты времени... Понятная охотнику «тоска» охватила меня. В горы, в горы!..

Целью поездки я наметил северный склон хребта на перевале Санчара, у истоков Большой

Лабы. Там я еще не бывал, но, по слухам, дичи разной на Сѣнчаре было много.

Настало желанное утро. Моросил мелкий дождик, но душно было невообразимо. Верхом на лошади, под буркою, я обливался потом, пока мы не выбрались из затишья Сухума на плоскогорье Трапедии и мелкою иноходью не покатали по ущелью в сторону греческого селения Андреевского. Миновали сталактитовую пещеру и монастырь Василиска. Долго спускались к речке и потом снова поднимались. Последний утомительный подъем по сплошным плитнякам, и мы добрались до села Андреевского. Здесь мы заночуем у охотника-грека. Это селение — последнее на нашем пути: дальше мы углубляемся в леса и горы, где нет постоянного жилья человека, там мы встретим лишь нескольких смельчаков-колонистов (русских и эстонцев), которые поселились в пустынной долине Псху, отрезанные от остального мира бездорожьем и тяжелым перевалом Доу.

Быстро пролетела ночь. Мы опять — в седле, опять двигаемся к желанной цели, но сегодня чрезвычайно медленно.

Сначала дорога идет великолепным буковым лесом в гору и скоро подходит к скалистому берегу Гумисты, по карнизу которого она узкою тропкою — в полтора-два метра ширины — вьется вдоль лесисто-каменного ущелья. При выезде из леса

на этот карниз глазам открылся такой прелестный вид, что я невольно задержал лошадь. А внизу шумит среди гигантских камней и скал река...

Заброшенная давно тропа теперь служит для прогона скота на летние пастбища в горы. Местами она осыпалась, местами загромождена обвалом или упавшим деревом, тогда нужно слезать даже с привычной абхазской лошади и в поводу вести ее выше или ниже непроходимого места. А когда-то тропу эту строил русский солдат, взрывал камни и скалы, мостил мосты и шел, по приказу «начальства», усмирять «непокорных» и «немирных», как тогда говорили, псхувцев, смело хозяйничавших в тылу войск, «завоевывавших» Кавказское побережье. В результате такого «усмирения» более десяти тысяч псхувцев абхазского племени, населявших долину верхней Бзыби, покинули свою зеленую родину и выселились в Турцию. Роскошная долина, наполненная садами и кукурузными полями, быстро одичала, заросла лесом, кустарником и бурьяном. Только громадные грецкие орехи среди леса да бесчисленные одичавшие яблони, груши и особенно алыча * всевозможных видов напоминают, что здесь когда-то жил человек. Множество медведей и кабанов жирует на Бзыбском

* Род дикой сливы.

приволье, перебираясь сюда ко времени вызревания фруктов со всех окрестных хребтов, гор и ущелий... Не редкость встретить здесь рогатого красавца-оленья; множество лесных коз шныряет среди буковых лесов; хищников — рысей, кошек, лисиц, выдр, куниц — здесь изобилие...

Свободу и вольность псхувцев долго охраняло бездорожье. Первобытная тропа, наспех проложенная войсками, их погубила. Но какова была тропа и в то еще время, рисует характерный «военно-исторический» анекдот.

Стоявший на Псху, «на страх» псхувцам, батальон Сухумского полка после выселения псхувцев был возвращен обратно в Сухум, но перевозка оттуда заготовленного для батальона провианта была признана невыгодной для казны. Поэтому для использования этих запасов на Псху командирована была рота того же полка, которая и прожила там почти год, пока не поела всего оставшегося количества муки, крупы, сала и сухарей.

От одного из участников этой экспедиции «для поедания запасов», страстного и правдивого охотника, я слышал подробности его пребывания на Псху и о тех постоянных охотах, среди которых он коротал свою скучную ссылку на Бзыбь.

Около километра пришлось нам продвигаться осторожным шагом по карнизу этого скалистого

обрыва. Дальше берег ущелья стал покатым, снова появился вековой буковый лес, и тропка расширилась. Тенистою аллеей она мягко спускалась в ущелье.

Километрах в пятнадцати от Андреевского две речки — две Гумисты — сливаются вместе и образуют одну Гумисту, быстро мчащую свои воды к морю. Это место носит название «Двуречье». Здесь-то и обрывалась наша тропа.

Мы остановились, пустили лошадей на траву, а сами присели отдохнуть под тенистым буком. Теперь началась самая трудная часть нашего пути. Дороги нет. Ехать нужно частью берегом, а частью — прямо по руслу реки. Мелкая галька сменяется крупными камнями, прозрачное мелко-водье — мрачными темными ямами. Вывороченные с корнем деревья лежат в реке, кореньями цепляют ноги лошади, хлещут в лицо всадника. Крепко сжимаешь бока лошади, как бы прилипаешь к ней, — теперь всецело зависишь от крепости ее ног и умения выбирать дорогу. Невольно бросает в жар, когда лошадь поскользнется на камнях, припадет вдруг на колено, завязнув среди невидимых корней, или неожиданно попадет в яму... А когда едешь берегом, приходится лавировать между деревьями и ветками, пробираться через болотные трясины или снесенные с гор груды камня, перескакивать через поваленные деревья... Где хуже ехать — сказать трудно.

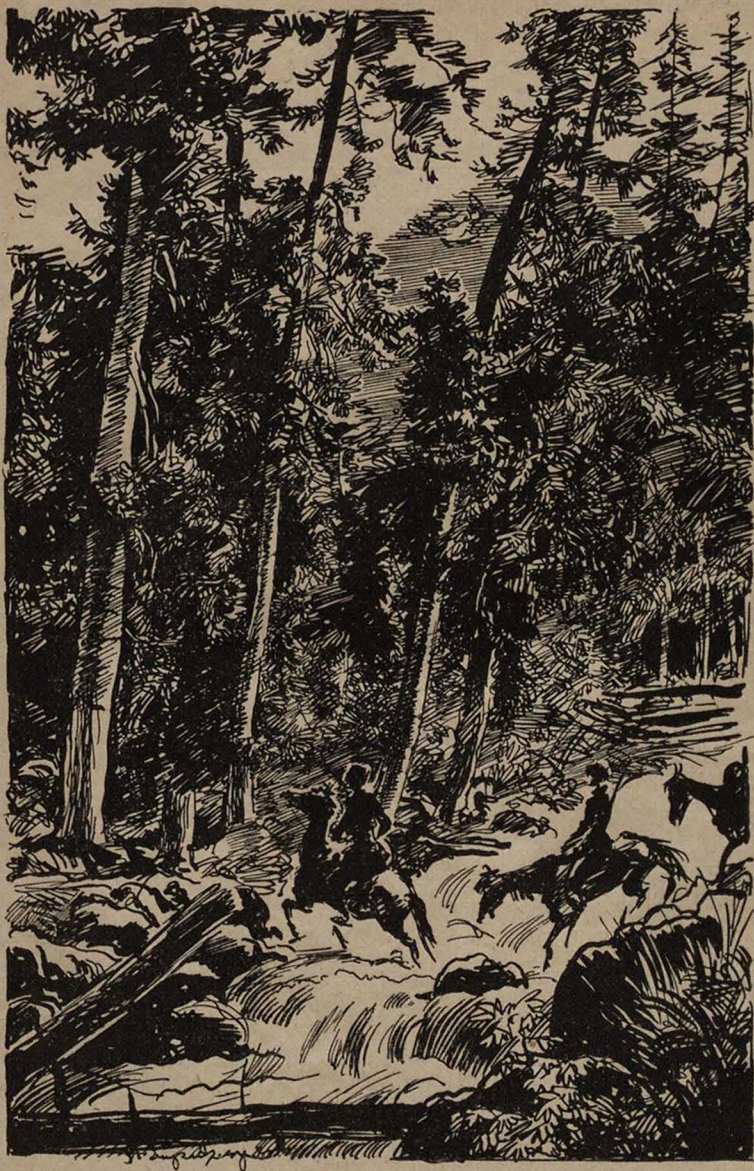
Начал было я считать, сколько раз мы переезжаем реку поперек, досчитал до сорока, — сбился со счета и бросил: надоело. Но мой товарищ Германюк довел счет до конца: в этот день мы переехали Гумисту девяносто три раза!..

Проводником нашим был «чарводар» *, мегрелец Мераб. Сидя на своей крепкой лошадке, поверх изрядного груза хлеба, крупы, водки и теплой одежды, который мы взяли с собою, он, казалось, не обращал никакого внимания на трудности дороги и весело распевал, похлестывая хворостиной лошадь.

Незадолго до сумерек мы добрались до хребта Доу, откуда идет перевал в долину Бзыби. Здесь, недалеко от реки, мы заночевали. Запылал веселый огонек костра, охотничий шашлык румянился на углях, шипел походный чайник. Скоро мы забыли про тяжелую дорогу, про нескончаемые переезды и броды на реке. Закутавшись в бурки, мы улеглись у костра. Лошади чавкали, скусывая сочную траву, громко фыркали и катались по земле, растирая натруженную за день спину, смешно дрыгая в воздухе ногами... Небо потемнело. Зажглись звезды. За соседнею горою показался мягкий свет выплывающей луны.

Вблизи нас на дереве громко и отчетливо кричала сова-сплюшка... «Сплю... сплю...» Вдали отозвались другие совы и затихли... Заснули и мы...

* По-местному так называют владельцев выючных лошадей.

Чуть стало светать — заседлали лошадей и тронулись дальше. Больше трех часов поднимались мы в гору, то прямыми тропками, пробитыми скотиной, то по вымоинам дождевых вод, то по сохранившимся еще остаткам военной дороги. Солнце немилосердно жгло, когда мы остановились, наконец, у самого перевала и сели отдохнуть в тени деревьев у чудесного холодного родничка...

Вершина хребта в этом месте понижается до полуторы тысячи метров, и отсюда начинается спуск к реке Бзыби среди сплошного лиственного леса.

Отдохнув и подзакусив, мы взяли за поводья лошадей и принялись шагать под гору.

Шли молча. Молчал безжизненный лес. Ни птица, ни зверь не нарушали тишины. Только слышались размеренные удары копыт о мягкую землю, да временами звонко тарахтел большой жестяной чайник, привязанный поверх вьюка.

Вдруг шедшая впереди вьючная лошадь Мераба неожиданно рванулась вперед и лягнула в воздух ногами. Мераб бросился бежать с лошадыю, и в ту же минуту мой конь тоже подскочил и выкинул подобное же коленце. Не понимая, в чем дело, я тоже ускорил шаги и заметил, что и следовавшие за мною две лошади лягались и бросались бежать, дойдя до этого

места. Мы наткнулись, оказывается, на гнездо ос, и каждой из наших лошадей досталось по несколько укусов от потревоженных злущек. Тогда мне впервые пришлось столкнуться с этим явлением, вообще не редким при путешествиях в горах Абхазии.

Откуда-то снизу послышался рокот и шум реки. Видно, недалеко до нее. Но на деле спуск к реке длился еще более часа.

Наконец между ветвей и кустарников засверкала белоснежная кипень прославленной абхазской реки. Еще несколько мгновений — и мы на ее тенистых влажных берегах.

Бзыбь здесь не широка, всего каких-нибудь два десятка метров, но вся масса ее хрустальной воды, сдавленная тесным ущельем, загроможденная громадными камнями и целыми скалами, несется с невероятною быстротою. Вода бьется о гранитные берега, подымая к небу столбы радужной водяной пыли, кипит и крутится, как волчок, на одном месте; переливается зеркальным полотном через плоские камни, перехлестывает причудливыми струями через груды острых скал и застрявших среди них деревьев, обдавая потоком брызг соседние деревья и кусты... Рев, шум, гром... Временами будто выстрелы — удары несущегося под водою камня о скалы... Невольная улыбка от любованья редким зрелищем появилась на наших лицах. Мы переглянулись, гово-

рить было бесполезно: голоса не слышно при немолчном реве реки.

Едва пробиваясь среди гигантских камней по узенькой грязной тропинке, задевая их постоянно хурджами *, мы молча двигались вниз по течению реки.

Местами тропка обрывалась совершенно на метр-другой, и наши лошади ловко перескакивали зияющие над водою отверстия. С обрывов свешивались прелестные перистые папоротники, разнообразные плющи и вьющиеся растения. Исполинские лопухи, хвощи, папоротник-орляк, разные осоки и зонтичные высоко тянулись с каждого клочка черного перегоя.

Но вот ущелье стало расширяться, берега стали более пологими, тропка легла ровною тенистой аллеей среди леса. Река уже не так бурлила и шумела и спокойнее текла в своем широком ложе.

Мы въехали на лесную поляну. Вдруг впереди нас зашевелились заросли папоротника. Висевшие за плечами ружья вмиг оказались в руках. Три выстрела громким эхом прокатились по ущелью, а перетрусивший гурток диких свиней, штук в десять, быстрым галопом помчался в лесную чащу. Неугомонные сойки резкими криками протестовали против нарушения лесного покоя. Вряд ли кто-нибудь из нас попал в кабанов, но мы все же

* Переметные сумы с пожитками, перекинутые через седла.

слезли с лошадей и принялись внимательно разглядывать следы пробежавшего стада. Крови нигде не было — мы промазали свиней вчистую.

Охотничьи инстинкты проснулись. Бросили лошадей на попечение Мераба, а сами, зарядив ружья пулями, двинулись цепью вдоль тропинки, не теряя надежды встретить еще кабана или случайного мишку.

Шагах в ста от нас Мераб вел лошадей.

Лес был наполнен фруктовыми деревьями: дикие яблони, груши-кислицы, мушмула, кизил и множество сортов алычи попадались на каждом шагу. Под каждым деревом, усыпанным фруктами, валялось бесчисленное множество падалиц, в большинстве объединенных зверями. Тут же на влажной почве отчетливо отпечатались следы многочисленных кабанов и медведей. В одном месте след медведицы с медвежонком был так свеж, будто они прошли здесь только что перед нами. Огромные блины, полные непереваримых косточек алычи и кизила, постоянно попадались на глаза и указывали на обилие медведей... Желание встретиться с лесным владыкой и уложить его метким выстрелом росло с каждым шагом. Я затаил дыхание, неслышно ступал ногами и нетерпеливо ждал момента... Увы, он так и не настал. Вот и переправа — брод через Бзыбь. Нам надо переправиться на тот берег, а мы еще не встретили ни одного зверя. Впрочем, медведи и кабаны не

уйдут, мы займемся ими на обратном пути. А пока — скорее в горы! Там ждут нас туры и легконогие серны.

У переправы через Бзыбь, как по секрету сообщили мне друзья-старожилы Сухума, зарыт драгоценный клад. Кем и когда запрятаны эти богатства, сказать они не могли, но уверяли, что это совершенно достоверно и советовали попытаться — поискать клад под старым деревом вблизи переправы. Когда я переезжал прозрачные струи Бзыби, то невольно искал глазами это таинственное дерево, в корнях которого зарыты драгоценности.

Освеженные водой, кони быстрой иноходью понесли нас по широкой долине Псху. Заросли орешника и осины, леса и рощи, зеленые луга... Вдали — лай собаки, звонкий голос петуха... Жилье близко! Скоро показались желтые полосы зреющих хлебов и с десятков примитивных хатенок, крытых дранью и камышом, — поселение псхувских новоселов... Здесь мы решили ночевать, хотя до вечера оставалось еще более пяти часов, и мы смело могли бы добраться сегодня же до первых кочевков.

Подзакусив в тесной каморке белоруса-колониста, мы вышли на «улицу», осмотрелись.

Волнистая, перерезанная небольшими ложбинами и речками, притоками Бзыби, зеленая долина Псху широко раскинулась кругом нас. На

северо-западе она переходила в пологие скаты и отроги хребта, окутанного облаками и туманами, синевшего утесами и скалами, сверкавшего ледяными полями и снеговыми вершинами. Казалось — рукой подать до грозного Кавказа. Нет! Еще добрых двадцать пять километров отделяли нас от цели нашего путешествия.

Немолчный шум трещоток и ружейные выстрелы все время раздавались вокруг. Это дети колонистов стерегли созревающие хлеба от нашествия бесчисленных стай воробьев.

— Подумайте только, — жаловались новоселы, — со всего округа собрались проклятые. А ведь у нас тут всего десятин десять посевов... Так на десятину их тысячи приходится... Стали было их стрелять из ружей — хуже вышло: убьешь десяток, а сотни раненых остаются тут же, живут прямо в хлебах и клюют зерно, а выгнать их оттуда невозможно... Вот и шумят теперь малыши с утра до ночи, а ночью зажигаем вокруг костры — от свиней и медведей. Ну, да с ними легче, чем с воробьями!..

Наслушались мы тут рассказов о жизни этих отважных пионеров-бедняков. С топором и лопатою забрались они в дикие ущелья, месяцами были отрезаны от всего мира снегами Доу. С тех пор прошло немного лет. И на Псху уже больше ста дворов сельчан, есть и школа, и врач... Не то было тогда...

II. МЕДВЕДЬ - СПАСИТЕЛЬ

Под вечер мы сидели у грубо сколоченного стола в крошечной клетушке хозяина. Единственная ценная вещь в хозяйстве новосела — большой медный самовар — стоял на краю стола и то отрывисто шипел, то жалобно и тонко жужжал, как муха в лапах паука. Грудюю лежали — нарезанный ломтями темный пшеничный хлеб, вареные яйца и лук, незатейливое угощение бедняка, добавленное привезенными нами из Сухума припасами... На громадной деревянной кровати, накрытой грубым рядном и войлоком, с ворохом грязных подушек, крепко спали, вповалку, Митька и Манька — дети хозяина. Там же сидела жена его с грудным ребенком на руках. А в уголке у стола приткнулась бабка, старуха лет шестидесяти. Сын заставил ее рассказать нам необыкновенное приключение, пережитое ею прошлой осенью.

Долго не хотела старуха говорить про эту, как она выразилась, «историю». Уверяла, что не умеет хорошо рассказывать, что мы, мол, будем над нею смеяться. А потом побожилась на икону и, заверив, что это — чистая правда, очень свяжно, прекрасным простым языком рассказала действительно любопытную историю... Тихо шипел последними вздохами замиравший самовар, затрещал у печи меланхолик-сверчок, да изредка порыв ветра с недалекого хребта врвался в

комнату через дырявые стекла хибарки... Мы слушали старуху...

Была осень. Посыпались с деревьев листья. На горах стал часто выпадать снег. Пошли туманы. Потянулись с гор пастухи со своими стадами. Кончалось лето, проходила короткая осень, а там, не сегодня — завтра, завалит снег перевал Доу, и останутся псхувские новоселы на всю зиму отрезанными от всего мира. Бабка затосковала, загрустила. Второй год проводит она в этой глуши, вдали от людей, не видя дочери и внуков, живущих в Сухуме... Так захотелось ей повидать Анюту, что старуха решила пойти к ней на зиму в Сухум. Дорога знакомая: уже три раза она ее проходила. А тут как раз на рассвете прошла последняя баранта * с гор — все спокойнее итти следом за людьми.

Собралась бабка. Завязала в платок крутых яичек, соли да краюху хлеба, сунула туда же свои «сапожки» и рано утром с большой суковатой палкой в руке, распрощавшись с семьей сына, двинулась в далекую дорогу, обутая в легкие чувяки **.

Бзыбь перешла она благополучно по проторенному стадами броду. На той стороне реки берег был сырой еще и мокрый: баранта, видно, недавно переходила «Бзыбзу», — так называют но-

* Стадо овец.

** Чувяки — козловые туфли.

воселы эту реку, — и, отряхиваясь после перехода, намочила землю.

«Ну, — подумала старуха, — пастухи недалеко впереди меня, скоро их нагоню...» — и спокойно, не торопясь, пошла по тенистой тропке вдоль берега.

Тропка свернула в гору, начался подъем на перевал, на вершине которого, у родничка, обычно останавливаются пастухи и отдыхают.

«Ишь, черти, как скоро ходят!.. Ну, да уж на горе догоню». Но и на перевале, куда старуха добралась часам к пяти дня, пастухов не было.

«Куда же они подевались? Нешто внизу у реки остановятся?» — соображала бабка и, не присаживаясь, стала быстро спускаться к Гумисте.

Ноги плохо слушались старуху, она не рассчитывала на такой большой дневной переход. Теплая кофта и платок с хлебом оттягивали руки. Но она неумоимо шла под гору по тропе, надеясь хоть у реки догнать пастухов и заночевать под их охраною.

Вот и шум бегущей по камням Гумисты... На закате краснеет последний клочок алого солнца, а внизу, в ущельи, уже почти темно. Но не видно костров, не слышно блеянья овец, рева ослов или лая собак... Внизу, у реки, по следам ясно видно, что баранта только что была здесь, напилась воды и с непонятною для старухи поспешностью ушла дальше...

В воздухе еще стоял тяжелый бараний запах, но самой баранты не было.

«Ну, и притча!..»

Усталая и обескураженная старуха присела на камне и стала соображать, что делать. Итти дальше она была не в силах. Тяжело и страшно одной ночевать в этой пустыне, да делать нечего: ноги просят отдыха. Надвигалась ночь. Небо вдруг как-то посерело, стало низкое, страшное; белесые тучи медленно поплыли со стороны хребта... Вспомнила бабка про пещеру в двух шагах отсюда, где она ночевала с сыном в свой первый поход на Псху. Разыскала ее и с кряхтеньем усе-лась на груде сухого папоротника, оставленного на ее счастье каким-то путником... Пожевала хлебца, помолилась, закуталась в свою теплую кофту и улеглась спать.

Крепко спит старуха. Устала до смерти. И не чувствует, что всю ночь идет густой снег. Он заносит глубоким белым слоем все тропки, все следы прошедшего стада, он стирает все признаки дороги. Теперь один неловкий шаг на краю обрыва — и старуха полетит в Гумисту, спасенья ей не будет. А забираться выше в лес, брести по снегу без дороги, значит, выбиться из сил, намокнуть и заоченеть, не дойдя ни до какого жилья. Назад ворочаться тоже нельзя: не видя тропки, она и здесь неминуемо погибнет.

Ахнула бабка, когда раскрыла утром глаза, и принялась горько плакать. А снег все сыплет и сыплет. Вышла она было из пещеры; снегу по колено, итти в чувяках нельзя — сейчас разлезутся, как намокнут. Плачет старуха, громко причитывает, клянет свою судьбу, но все же переобувается в сапожки. Зачем? Сама не знает.

«Головушка моя горькая!.. Доля моя несчастная!.. Видно, помирать здесь приходится... Положат мои косточки весною тут рядом с Алексеем... И никто меня, неприютную, не выручит...»

Разливается старуха и суеверным страхом глядит на высокий деревянный крест. Под ним лежит ее односельчанин, псхувец Алексей, замерзший здесь осенью два года назад. Всю зиму пролежал он у перевала под снегом, и только весною, когда двинулись в горы первые пастухи, нашли его разложившийся труп. Также погибли на перевале Иван Бошкин и эстонец Генрих: первый — на самом перевале, второй — у Бзыби, на той стороне... Три жертвы уже взял у псхувцев грозный Доу, старуха будет четвертою...

Тронулась было бабка с места, пытаясь нащупать тропку, провалилась в какую-то ямину, с трудом выбралась, отряхнулась, утоптала вокруг себя снег и присела на могилу Алексея в тупом отчаянии. Уж и плакать перестала, только бледными губами бормотала какие-то

слова... Старуха уставилась в одну точку глазами и, не видя, глядела на пустое белое место.

И вдруг шагах в двадцати от нее показался огромный медведь. Как и откуда он подошел — старуха не заметила. Только медведь стоял мордою к ней, высоко подняв нос и как бы разглядывая старушонку. Она вся съежилась, сердце испуганно забилося, судорожно сжала она палку в своих дряхлых руках, решив, что настала ее последняя минута. Ни думы, ни мысли — один смертный страх. «Вот она, моя смерть!..» — шептала старуха.

Но медведь ее не трогал. Он, казалось, изучал положение, водил носом то в одну, то в другую сторону и, наконец, медленно заковылял от старухи, забирая чуть в гору. У старухи отлегло от сердца.

Медведь прошел шагов сорок и остановился.

Старуха было поднялась, чтоб спрятаться от него в свою пещеру, но, заметив остановку медведя, опять присела на могилу. А медведь повернул голову в ее сторону, долго смотрел на нее и опять пошел дальше. Прошел еще шагов сорок и опять остановился. Снова оглянулся на старуху...

«Батюшки, светы родимые! — чуть не вскрикнула бабка. — Да ведь он меня зовет за собой... И идет прямо по тропке... Вишь, останавливается все... Будто приглашает за собой итти».

Старуха несмело встала и сделала несколько шагов в сторону медведя. Мишка спокойно пошел дальше, низко наклонив голову и словно приносясь к чему-то... Старуха робко следовала за медведем, ступая в широкую колею, разметенную его лапами. Временами медведь останавливался, оглядывался на старуху, будто хотел убедиться, что она от него не отстала, — и опять брел дальше. Останавливался мишка — останавливалась и старуха, шел дальше медведь — уже смелее теперь плелась за ним старуха.

И так прошли они, на расстоянии пятидесяти шагов друг от друга, всю длинную тропу вдоль Гумисты. Ни разу медведь не ошибся, словно видел сквозь снег дорогу, по которой уверенно шагали его мохнатые лапы... На повороте к Андреевскому, где кончались обрывы и начиналась проезжая дорога через лес, медведь остановился в последний раз, оглянулся и завернул в чащу...

Бабка тоже постояла с минуту в раздумьи, перекрестилась и быстрыми шагами засеменила к селению, до которого оставалось еще около пяти километров... Знакомые греки обогрели и накормили полузамерзшую старуху и на другой день доставили в Сухум, приписывая ее спасенье сверхъестественной помощи бога в образе добродушного мишки.

Старуха кончила свой бесхитростный рассказ. Мы слушали с увлечением. «Вот как бог спас мою мамашу... Ведь пропала бы, ей-ей... как другие...» — заключил хозяин.

Но тут пришла моя очередь рассказывать. И на далеком Псху привелось провести, вероятно, первую антирелигиозную беседу. Нетрудно было доказать, как мало были заинтересованы в спасении бедной старухи небеса, допустившие, например, гибель первых трех жертв Доу. Нелепо представлять в образе медведя какое-то несуществующее божество, когда поведение зверя во время всей этой «истории» объясняется очень легко. Далеко не все медведи ложатся здесь на зиму в берлогу. Большая часть их с началом зимы спускается в леса теплой низины Абхазии, где все время для них имеется обильный растительный корм: орехи бука, каштаны, трава. Так шел к Андреевскому и бабкин медведь, выбирая дорогу по следам только что прошедшей баранты, из числа которой он, быть может, задрал раньше не одну овцу...

И оборачивался медведь, вовсе не приглашая старуху следовать за собою, а из свойственной этому зверю трусливости и осторожности.

Думаю, что мои слова не пропали даром, и мне удалось тогда доказать, что никакого «чуда» в этом приключении старухи не было.

III. НА СЕВЕРНОМ СКЛОНЕ ХРЕБТА

Побледнели звезды. Одна красавица-утренница горит на горизонте. Из-за Доу брызнули первые лучи еще невидимого солнца, а мы уже быстро едем к горам. Бодро бегут, похрапывая, кони и легко берут нетрудные подъемы, забираясь все выше и выше. Кончился лиственный лес, проехали полосу хвои под гигантскими пихтами в несколько обхватов, выбрались на зеленые альпийские луга и вот — мы на перевале!..

Если бы Мераб, бывавший здесь раньше, не сказал, что это перевал, мы бы и не заметили его: столько мы переехали отдельных хребтов, мягких и пологих в этой части Великого Кавказа, столько раз уже спускались вниз, а затем опять поднимались, столько зеленых лугов пересекали в полгоры, а самый перевал все не показывался. Да его, в собственном смысле этого слова, здесь и нет. В этом отношении Санчарский перевал, на редкость доступный для переезда, сильно отличается, например, от Клухорского, где перевальная грань хребта резко выражена и где, перебравшись через чуть пониженную остро-снежную спину Кавказской каменной гряды, сразу чувствуешь, что п е р е в а л и л через могучий Кавказ.

Мы были уже на северном склоне хребта. Среди занесенных камнями ложбинок встреча-

лись типичные горные болотца, из которых ручейками вытекала ледяная вода. Ниже можно было рассмотреть начало рек, образующих систему верхней Лабы. Еще ниже, за альпийскими лугами, открывалось необозримое море темного леса, густо покрывавшего склоны, хребты и ущелья и уходившего в кубанскую даль.

Мы остановились у границы леса, в поместительном деревянном домике-сараях, выстроенном рудопромышленниками, открывшими здесь железную руду высокого качества.

Прямо перед домом из общей системы хребта выпирала остроконечная гора — Железная, на которую промышленники проложили зигзагами удобную тропку. По ней нам и придется подниматься в горы на охоту.

Встретил нас в доме сторож, бравый старик абхазец-мохаджир *, Мухтар. Молодежь была на охоте, кроме двух-трех пастухов, стороживших у дома скот и лошадей. Хотя было всего двенадцать часов дня, но сегодня, конечно, никакой охоты предпринять было нельзя. Мухтар посоветовал, пользуясь временем, посетить «Красный Нарзан», — километрах в трех от дома.

Этот нарзан славится в Абхазии как могучая целебная вода, и я слышал о нем много рассказов. Между прочим, многие уверяли меня, что

* Мохаджири — абхазцы, выселившиеся в свое время в Турцию.

они ни разу не могли довести до Сухума бутылки с этою водою, хотя затягивали пробки проволокою: всякий раз в пути бутылки лопались. Так много, по их словам, в этой воде газа.

Сбросив свои хурджины и лишние вещи и немного перекусив, мы верхом отправились к источнику.

Проехав лесною тропою вдоль опушки, мы поднялись к началу лугов и здесь в одном из пологих ущелий нашли знаменитый нарзан.

Мощная струя — в руку толщиной — розовой, сильно газированной воды вырывалась из какого-то известкового намыва. Намыв представлял собою своеобразную скалу желто-красного цвета, влажную, блестящую, с каждым годом выступающую все более и более, благодаря постоянным выносам известковых пород. У падения струи образовалась яма-ванна, окруженная земляным валиком, в которой купаются больные.

На вкус нарзан превосходен. Он несколько не уступает кисловодскому, холоден как лед и имеет очень сильный ржаво-железный привкус. Газом вода насыщена до отказа. Он все время лопается радужными пузырями на поверхности лужи, и видно, как он беспрерывно выбивается под водою из земли.

У источника в полном одиночестве сидел толстенький маленький человек — торговец-ме-

грелец из Сухума. Он то и дело пил стакан за стаканом воду.

— Что вы здесь делаете? — спросил я его.

— Лечусь.

— Давно?

— Нет, только с утра.

— И долго здесь пробудете?

— Ночью ухожу обратно в Сухум. Времени больше нет.

— Так какое же это лечение за один день?

— А что делать, когда времени нет?.. Чтобы поправиться, я должен выпить с т о стаканов... С утра я уже выпил тридцать пять, а до вечера еще выпью — сколько успею...

Я был поражен. Воистину целебна эта вода, если и после таких безумных «лечений» люди не отправляются тут же на тот свет!

Шагах в ста от нарзана я заметил знакомого мне по Сухуму милиционера-абхазца, подъехавшего сюда уже после нас. На земле, на бурке, лежала женщина, а Мурзакан кинжалом рубил длинные ветви орешника и сооружал из них шалаш. Он приехал сюда лечить больную жену: она должна принять за неделю, которую они пробудут здесь, по две «ванны» в день!..

Мой спутник-врач только усмехнулся и безнадежно махнул рукою.

В прежнее время туры, серны и другие звери стадами приходили сюда пить нарзан. Теперь

лишь смелые одиночки серны забегают сюда иногда на рассвете, а туры заглядывают на источник только в отсутствие больных и пастухов, когда нет скота на пастбищах.

Я сидел на бревне у дома с биноклем в руках и пытливо разглядывал мельчайшие складки хребта, куда завтра, с утра, мы поднимемся. Глаза жадно стремились отыскать что-либо «живое» — серну, тура, хотя бы птицу какую... Но как я ни вглядывался в каждую скалу, каждое ущелье — желанной дичи не находил. Камни, скалы, редкие зеленые лужайки, выше — грозные утесы, пики, снежные пятна и целые поля, и — только. Рядом сидел Мухтар и рассказывал мне о здешней охоте, о дичи, о ее повадках, о том, как ее найти.

Заходящее солнце позолотило вершины и ярко осветило макушку Железной горы. И в этот момент там показался человек. Он остановился у спуска в нашу сторону, сбросил с плеч какую-то тушу и после нескольких призывных: «О-уй!.. О-уй!..» вдруг что-то запел по-абхазски. Чувствовалось, что он поет во весь голос, но до нас то голос его едва доносился... И в то же мгновение, как долетели к нам первые звуки его песни, трое находившихся недалеко пастухов, словно ошалелые, побросали свои палки, башлыки и шапки. Во всю прыть перескочили они через протекавшую впереди нас речонку и, обгоняя друг друга, по-

неслись в гору по зигзагам тропинки. А сверху все лилась воинственная песня неведомого охотника. Своим башлыком он энергично махал в воздухе... Красивая стройная фигура на вершине горы, освещенная красными лучами, мчащиеся туда наперегонки абхазцы, таинственная для меня песня, — все это захватило, как никогда.

— В чем дело, Мухтар? — спросил я своего спокойного соседа.

— Это там — наш охотник Джото. Он убил тура и поет абхазскую охотничью песню... Когда абхазец убивает тура, он всегда должен петь эту песню. Песня эта очень хорошая, очень старинная... Он благодарит бога за добычу и зовет людей, чтобы они помогли ему тащить ее домой. Кто первый прибежит к нему, тот получает кусок филейной части, второй — ляжку, третий — тоже что-нибудь...

Мухтар кончил свой рассказ. Группа людей уже спускалась с горы. Впереди гордо шел Джото, за ним пастухи тащили тура...

Настал вечер. Мы сидели в доме вокруг огня. Дым исчезал в широкой вытяжной трубе, устроенной над огнем, и не разъедал, как обычно в курных домах абхазцев, наши глаза. Мы уничтожали шашлык из тура Джото, запивая привезенным вином, слушали рассказы счастливого охотника и намечали планы завтрашних охот...

На мягком душистом горном сене улеглись мы рядом с доктором Мурановым и Иваном Андреичем, моими друзьями по охоте. Долго не могли заснуть, мечтая о турах, сернах и прочей горной дичи...

IV. СРЕДИ ТУРОВ

Солнце брызнуло яркими лучами из-за хребта, когда мы подходили к вершине Железной горы, где кончалась тропка. По ее причудливым, очень удобным зигзагам было легко подниматься, но все же мы потратили на это больше часа, в то время, как абхазцы вчера взяли ее в несколько минут. Қазавшаяся снизу остроконечной, вершина горы в действительности шатром распускалась в стороны, переходя местами в луга, местами в узенькие хребты, соединявшие нашу гору с рядом других выступов, хребтов и скал, составлявших массив хребта. С юго-востока нагорье обрывалось ущельем, за которым подымалась другая гора, повыше нашей. У вершины ее блестел ледник, и среди зубчатых мрачных скал и громадных камней в ложбинках лежали огромные глыбы вечного снега. С восточной стороны гора почти до вершины представляла сравнительно легко доступную покатость, пересекаемую в нескольких местах нешироким поясом скал, камней и осыпей. У самого дна ущелья тянулись в гору зеленые чудесные луга. Зато

северо-западная сторона Ачхи представляла сплошной каменный хаос, террасы скал, зубцы, утесы — ни одного зеленого пятна.

У края обрыва мы сели, осмотрелись и выработали план охоты. По словам Джото и других абхазцев, туры на ночь спускаются на пастьбу к лугам, а на рассвете поднимаются вверх и проводят весь день на скалистой стороне горы и у ее вершины. Доктор, Иван Андреич и два абхазца-охотника спустятся в ущелье и, рассыпавшись цепью, станут тихо подыматься по луговой стороне горы вверх. Когда дойдут, примерно, до ее середины — проберутся на скалы и погонят туров оттуда к нам, на Железную гору. Здесь мы с Джото должны устроить засаду. Выполнение этой задачи могло занять не менее четырех-пяти часов времени.

Товарищи стали спускаться в глубокую пропасть. Они быстро скрылись из нашего поля зрения. Только временами доносился отчетливый звук свороченного неловкою ногою камня или предательский удар ложа ружья о скалу.

Наконец и эти звуки затихли. Они ушли видимо далеко. Снова торжественная тишина горных вершин. Солнце печет. Мы лежим в душистой мягкой траве. Не было слышно ни зверя, ни птицы, ни даже насекомых. Да и есть ли тут вообще что-нибудь живое? Каждая выпуклость отдаленной скалы и утеса, малейшая ямочка

и углубление на ледяном поле — ясно и отчетливо видны в бинокль. Иногда какой-нибудь лишайник или альпийский цветок в километре от меня кажется растущим на расстоянии нескольких шагов. Я отлично разглядываю грани и цвета самых отдаленных каменных зубцов на вершине, а зверя так и не найду нигде.

— Где же ваши туры, Джото? — шопотом спросил я.

— Вот там, в скалах! — был ответ. — Пока он не пойдет, ты его не увидишь.

— Почему же он не идет? — допытывался я.

— Потому что спит сейчас, — ответил Джото.

На мои расспросы он вполголоса повторил рассказ о том, как убил вчера турицу.

С рассвета он ходил с товарищами по скалам за турами, но безуспешно. Впереди них, за километр, поднялось стадо в одиннадцать голов и ушло в горы. Затем он подобрался было к одинокому козлу на двести шагов, но тот во-время зачуял его, свистнул и сейчас же спрыгнул в какую-то бездну. Усталый и измученный, в нескольких шагах от места, где мы с ним сейчас лежали, Джото бросился на траву, решив, что на сегодня охота кончена: было далеко за полдень. Так пролежал он больше часа, даже вздремнул, уткнувшись лицом в ароматную траву. Вдруг он услышал осторожный шум копыт. Тихонько поднял голову. Шагах в пятидесяти прямо на него шла

спокойным шагом турица, а рядом с нею — козленок. Рука незаметно протянулась к ружью. Турица все приближается. Не волнуясь, не торопясь, Джото, лежа, выцеливает ее и кладет первым же выстрелом в пятнадцати шагах от себя. Козленок исчез так быстро, что охотник даже не стрелял в него, о чем теперь очень жалел...

— А ведь с этого ружья я мог его еще четыре раза стрелить! — говорил он, показывая мне коротенькую турецкую магазинку.

— И вам не жалко убивать козленка или козу, Джото?

— Зачем жалко? Они — очень вкусный, а туры у нас много есть...

На хребте ежегодно сотнями избиваются козы и козлята. Туры катастрофически убывают в числе и скоро станут, быть может, такою же редкостью, как десяток сохранившихся еще кубанских зубров. И убивают этих чудесных животных обычно не из страсти к охоте, а чтоб сохранить в стаде лишнего барана, из чисто хозяйственных соображений...

Мы снова замолчали. Джото дремал, растянувшись на траве; я пристально следил в бинокль за товарищами. Они уже перебрались через ущелье, выбрались на зелень лугов и довольно быстро, широкою цепью, подвигались к первому поясу скал. Вот четыре силуэта прошли зеленые пространства и слились с темными скалами.

И в ту же минуту безжизненные камни ожили и заговорили своеобразным языком. Раздался невероятно громкий, резкий и мелодичный свист. К первому свисту присоединился второй, третий, десятый... Скоро вся восточная сторона горы огласилась протяжным свистом. Он стелился по земле, прорезал воздух в вышине, где носились крупные птицы, подхватывался в скалах и, как тревожный звук набата, щемил душу ясно выраженным страхом и ужасом...

«Индейки!» — подумал я.

— Индаури! — сказал мой самурзаканец. — Пропал их охота!..

Если человек так будоражится от этого примитивного сигнала осторожных птиц, если я во все глаза глядел туда, где отчаянно свистели горные индейки, то можно себе представить, как этот предостерегающий свист действует на обитателей вершин — туров. Недаром горцы рассказывают легенды о совместной жизни туров и индеек, которых они так и называют «сторожами туров» *.

Товарищи мои, видимо, тоже были поражены неожиданным свистом... Они остановились, даже пригнулись к земле, но свист не прекращался. Тогда они направились друг к другу и скоро скрылись за какою-то скалою... Свист постепенно замолкал...

* Кавказская горная индейка.

Когда засвистели индейки, я как-то инстинктивно стал осматривать всю гору, пытаюсь разглядеть птиц среди скал. Конечно, я их не увидел. Но вдруг значительно правее, среди нагромождений камней, утесов и зубчатых террас на западной стороне горы, мой глаз заметил почти неуловимое движение. Я его скорее почувствовал, чем увидел... Смотрю в бинокль — целое стадо туров!..

Я впервые видел их на воле. Охотник поймет, как застучало мое сердце, как загорелись глаза при виде этого чудесного зрелища. Все туры, а их было больше двадцати, спокойно стояли, обернувшись головами в сторону свистевших индеек. В бинокль были видны мельчайшие подробности.

Иной раз, например, по спине турицы, пережевывающей жвачку, вдруг пробегали как бы судороги, сокращались какие-то мышцы, и вслед затем она дрыгала заднюю ногою. Очевидно, муха или овод, занесенные в горы пастухами, беспокоили ее. Несколько козлят не разделяли общего внимания стада и то стояли в каком-то ребячьем недоумении, то подскакивали к своим мамашам и тянули из них молоко, трепеща хвостиками. Два-три крупных козла, выделяясь огромными серпообразными рогами, маячили на отдельных утесах, величественно поворачивая в разные стороны свои умные и строгие головы. Видно было,

как ветерок выпячивал их бороды в нашу сторону.

Я долго любовался невиданным зрелищем... Вдруг все стадо, как по команде, медленно стало поворачиваться и тихо скрылось за скалами. Никакой торопливости, тревоги, суеты... Враг обнаружен — они спокойно уходят...

Выстрел, другой... Направляю бинокль на легкое облачко дыма. Вижу, как Иван Андреич бежит по границе лугов у скалы и затем, нагнувшись, поднимает громадную птицу: охотники отомстили «сторожам туров».

А там, вправо, далеко, я опять увидел туров. Они вышли из глубокого ущелья и, не спеша, один за другим, подымались к вершинам. Я насчитал их двадцать два. Так, гуськом, они поднялись вдоль края ледника почти к вершине Ачхи и вдруг, вытянув передние ноги вперед и поджав задние, один за другим заскользили по гладкому леднику... В мгновение ока все — и старые, и молодые, и козлы, и козы — пролетели вниз через весь ледник, вскочили на свои стальные ноги и медленно стали удаляться куда-то вправо...

Сколько ни напрягал я свое зрение, сколько не глядел кругом зоркий Джото, больше туров мы уже не видели...

Я едва заметил, что товарищи мои пошли куда-то вниз к ущелью, не рассчитывая, видимо, встретиться сегодня с турами и, несомненно,

проклиная испортивших им охоту индеек...
Моя же мысль все возвращалась к турам.

Из-за индеек охота пропала. Мы с Джото пошли одни в надежде на удачу и случайную встречу с турами.

Было около девяти утра. Солнце немилосердно жарило. Росы на траве уже не было. Итти приходилось все по скалам и камням. Глубокие абхазские поршни из сыромятной кожи до того ссохлись на моей ноге, что немилосердно резали краями лодыжку. Пришлось искать воды. С наслаждением опустил я ноги в ледяную воду и держал их в ней, пока не размягчил ссохшуюся обувь. Тогда мы снова пустились в путь.

Уперлись в отвесную скалу.

— Иди вперед, Эвген, я пойду сзади, — говорит Джото.

Но я не представляю себе, как можно вообще «итти» по такому отвесу.

— Ничего, Эвген, держись рукам и ногам — хорошо пойдешь, не бойся, я — сзади...

Закидываю за плечи штуцер, а там еще болтается мой рucksак * с провизией и специальный кожаный чехол с переменными дробовыми стволами (на индеек), которые я добросовестно таскаю на себе.

Сердце замирает, когда подумаешь, на какую кручу надо лезть. Но делать нечего, и я лезу.

* Руксак — охотничий заплечный мешок.

Цепляюсь обеими руками, хватаюсь то за стебелек травы, то за какую-нибудь былинку, упираясь в то же время концом носка в еле заметный камешек или выступ. Временами — легкое углубление в скале, заросшее колючим кустарником с корнями наружу, припадаю к ним на мгновенье, чтоб передохнуть, и опять лезу выше. Вот труднейшая часть пути — сплошной каменистый обрыв. Хватаюсь за какой-то камень — он вырывается и летит вниз на Джото. Я едва удерживаюсь другою рукой...

— Ничево, ничево, иди, хорошо!.. — бурчит сзади мой приятель...

«А ну, как сорвусь? — мелькает в голове. — Ведь спасенья не будет, да еще и Джото убью»... И я прилипаю всем телом к скале, напрягаю всю свою волю и ловкость, чтобы не оборваться... И вдруг — невероятный свистящий шум и движение воздуха, будто целый паровоз с молниеносной быстротой пролетел около меня. Я застыл от ужаса, прижавшись к камням и, каюсь, зажмурив глаза...

— Индаури!.. — прошептал Джото...

Я и сам понял, что это — индаури, но похолодел от ужаса, представляя себе, что было бы со мною, если б индейка пролетела чуть ближе и задела меня хоть одним пером своих могучих крыльев...

Наконец мы вылезли на обширную каменистую террасу. Присели отдохнуть и осмотреться. Не то холодный, не то горячий пот градом лил с меня. Джото улыбнулся.

— Нехороший дорога!

— Нет, ничего себе, — возразил я неуверенно...

— Туры!.. — вдруг шепнул Джото и повалил меня на землю.

Осторожно подняв голову, я заметил шагах в пятистах от нас маленькую зеленую площадку у отвесной скалы — высотой не менее шестидесяти-восьмидесяти метров. Скала эта являлась отвесом хребта, который за площадкою круто обрывался страшным каменным ущельем, а в нашу сторону шел, несколько понижаясь, но тоже почти вертикально. На этой-то зелени я заметил серо-желтое пятно, другое, такое же, прилепилось к основанию скалы. В бинокль я ясно различил одного, лежавшего головою к нам, тура лет двух-трех и другого, дремавшего, стоя у скалы, лет четырех-пяти. Оба — козлы с небольшими еще рогами.

Шопотом мы уговорились с Джото: он отползет от меня вправо к небольшой ложбинке и по ней подберется к хребту, влезет на него, обойдет подалее от карниза туров и, появившись внезапно за ними, ударит в ладоши, закричит, — словом, погонит их в мою сторону. Я же тем временем, укрываясь за камнями, сползу в маленькое ущелье

между мною и турами и по нему подберусь возможно ближе к козлам.

Все ущелье, хотя очень мелкое, было покрыто камнями, среди которых ползущий человек не мог быть замечен для туров, лишь бы не зашуметь, не стукнуть ружьем о камни.

Мой штуцер Штурма — за спиною, ежеминутно придерживаю его рукою, чтобы он не заблестел на солнце, лежал ровно вдоль тела, не звякнул о камень... Скатился я в ущелье благополучно, выглянул из-за камня — туры на месте. Минутку передохнул и опять пополз, как змея. В самой глубокой части ущелья я сбросил с себя рucksак, бинокль, чехол со стволами, взял штуцер в левую руку, а правой и ногами заработал всю...

Ущелье делается все мельче, все ближе подползаю я к желанной цели. Вот] этой группой камней начинается склон, а наверху его — туры. Успокоившись немного и дав успокоиться им, если они заметили мои передвижения, осторожно приподымаю голову... Туры на своих местах!.. Между нами около трехсот шагов. Гляжу на карниз. Джото уже там, но идет прямо на туров. Если он не сделает полкруга и не выйдет за ними — они бросятся не ко мне, а от меня. Оглядев местность, я успокаиваюсь, над ними совершенно отвесная каменная стена, по которой даже тур не может взобраться. А за турами — бездонная

пропасть обрыва. Дорога у них одна — бежать между мною и отвесным скатом хребта. Кладу тихо на камень свой штуцер, подложив под него войлочную шапку, поднимаю прицел на триста, взвожу курок и жду. Сердце то бьется, как перепел в клетке, то замирает от напряженного ожидания. Я положительно не дышу, и мечты о редком трофее чередуются со страхом промахнуться. Я уже решаюсь не ждать появления Джото и выцеливаю более крупного, стоящего у скалы, тура. Но в это мгновение оба тура, как молния, бросаются прямо на отвесную скалу. В то же время раздается громкий свист Джото, и сам он появляется на карнизе между мною и турами... Посылаю безнадежный выстрел, но туров и след простыл!.. О, проклятие!

В недоумении стоял я перед скалою, по которой только что умчались туры. Ведь надо быть мухой, чтоб ходить по таким стенам! Я не мог заметить ни одного приметного выступа, ни одного камня, на который могли бы опереться копыта убежавших туров. Поистине их искусство лазать по кручам какое-то сверхъестественное. Для меня, по крайней мере, не было видимой разницы между отвесом, по которому поднялись туры, и стеною четырехэтажного дома. И все это произошло на моих глазах, я только что сам видел это.

Печально я побрел назад, к месту, где мы расстались. Скоро подошел и Джото.

— Ты думаешь там видно, где сидел тура? Пойдем, посмотрим сейчас, я тебе покажу... — волновался Джото в ответ на мои упреки, которые он, конечно, совершенно не заслужил.

Оказалось, что хребет этот тянулся еще на много вперед и не так близко обрывался ущельем, как это казалось отсюда. Однообразие местности не давало возможности ориентироваться. Да, не легко городскому охотнику убить тура!..

V. НЕУДАЧИ

По предложению Джото мы пошли опять искать туров. Для этого нужно было спуститься по той самой полуотвесной скале, по которой мы поднялись сюда с таким трудом. Об этом спуске я, кажется, никогда не забуду. Джото спускался теперь первым, я — ни жив, ни мертв — лицом к скале, судорожно цепляясь за камни, траву, еле видные выступы, сползал следом за ним. Часто тщетно нащупывал я носком ноги, куда бы приткнуться, и не находил ничего. Тогда Джото втыкал в расщелину скалы железный конец своей палки, я становился на него и снова искал другою ногою точки опоры. Временами Джото снизу хватал мою ногу и ставил ее куда следует, так как сам я не мог оторвать лица от скалы, боясь головокружения... Наконец кошмар этот кончился — мы спустились.

Два-три часа подъемов и спусков по голым утесам, по накаленным солнцем камням, переходы через осыпи из остро-режущих обломков скал, через отполированные дождями и ветром глыбы снега, на которых нога скользит и держится только благодаря палке Джото, перевалы через хребты, постоянные обрывы ущелий, которые приходится обходить или пересекать с опасностью для жизни... А покрытые травой склоны! На них скользишь больше, чем на льду.

И все же мы добрались к вершинам хребта. Мрачный хаос камня, снега, бездонных пропастей окружает нас. Впереди и несколько выше зубчатою стеною с причудливыми пиками, утесами и скалами стоит великий Кавказ.

Оглядываемся. Картины, одна другой величавее и красивее, открываются по сторонам. Продолжение хребта теряется в небе, облака сливаются с белоснежными вершинами, — не разберешь, где горы и земля, где небо с его облаками. Море какой-то двуетидной стихии — воздуха и камня — окружает нас, заливая своею бесконечностью, давит и возносит за раз. Грудь дышит непривычно легко и свободно, сам тоже становишься каким-то другим, не обычным, — торжественным, серьезным.

И вдруг откуда-то из-за скал на один из зубцов хребта спокойным, уверенным скачком прыгает рогатый козел. Я ясно вижу его бороду. Мне кажется, что он совсем близко... Но по-

чему он такой маленький? Козел перепрыгивает, не торопясь, с зубца на утес, за ним следует другой, третий... Шесть бородатых и рогатых туров, как горные дьяволы, прыгают впереди нас один за другим... Я поднимаю штуцер.

— Очин далок, не стреляй!.. — смеется Джото.

Опытный абхазец оценивает расстояние более чем в шестьсот шагов.

Поразительная прозрачность и ясность воздуха вершин обманули меня.

Бросив ружье, я схватился за бинокль и с жадностью разглядывал туров, пока все они не скрылись где-то в облаках...

Было далеко за полдень, когда мы стали понемногу спускаться. Надежды на встречу с турами больше не было. Я переменял стволы штуцера на дробовые, заложил первый номер дробы и стал обшаривать скалы, рассчитывая найти индеек. Все старания пропали даром — индеек нигде не было, или они так затаились, что отыскать их без собаки не было возможности. Обескураженный, я присел у небольшого хребтика, собираясь закурить... Вдруг легкий шум падающих камней... Над моей головою по хребту появляются четыре тура. Старший козел идет впереди, за ним — три помоложе... От меня до них какая-нибудь сотня шагов.

Кровь бросилась в голову. Пытаюсь переменить стволы на штуцерные, но пока я дрожащими руками проделал эту работу — туров давно и след простыл... Даже в пот ударило от такой незадачи... «И чорт меня дернул думать об индейках, когда кругом — туры!»

Снова штуцер в руках, снова осторожно пробираюсь по скалам, снова все мысли сосредоточены на турах. Я тщательно разглядываю впереди себя скалы и склоны... И в эту минуту шагах в тридцати впереди замечаю быстро бегущую индейку, которая затем с громким хлопанием крыльев поднимается и улетает вниз, в ущелье... Я было приставил штуцер к плечу, но вовремя удержался от напрасного выстрела: не такой я стрелок, чтобы пулею бить птицу в лет!..

Обидно и смешно! С дробовыми зарядами натыкаюсь на туров, с пулей — на летящую индейку!.. Нет, надо бросить эту глупую выдумку! С завтрашнего дня буду ходить только с одними стволами и брошу мальчишеские перемены стволов, штуцер — так штуцер!..

Не успел подумать я об этом, как шагах в шестидесяти от меня, стелясь по земле, прошмыгнула вторая индейка и затаилась у большого камня. Вытянув шею, она была готова ежеминутно подняться. В мгновение ока беру ее на мушку, и гулкий звук моего Штурма широко понесся по

- вершинам, повторяясь в ущельях и скалах громовым эхом. Исполинская куропатка только дернула ногами. Пробитая экспрессной пулей красавица-птица не годилась на чучело, но все же я бережно завернул в платок и уложил в рucksак дорогой трофеей сегодняшней охоты.

На мой выстрел подошел Джото. Неизменно вежливый и деликатный абхазец, сам ничего за это время не встретивший, вероятно, в душе чувствовал ко мне глубокое презрение за то, что я так глупо пропустил туров.

— Канешно, этот ружо — лучше! — сказал он. Я отлично понял, что скрывалось за этими словами.

Возвращаться к дому было и далеко и поздно. До сумерек оставалось меньше двух часов. Решили спуститься к лесу, развести огонь и там заночевать.

Через час под громадною пихтою весело трещал костер. Закусив скудными запасами и выпив по рюмке водки, мы собрались было заснуть на груди зеленого папоротника и лопухов. В это время раздались шаги, и мы услышали громкий окрик по-абхазски. Джото что-то ответил. Скоро к нам подошел высокий сухой старик, пастух-абхазец Кичин. В руках у него была палка, за спиною — мешок из телячьей шкуры, наполненный свежеприготовленным сыром, на плече болталась берданка. Кичин с достоин-

Е. Марков. В Горах Абхазии.

ством поклонился, подал руку и стал у костра, опираясь на свою палку. Освещенный огнем строгий профиль его напоминал суровое лицо индейского вождя. Поздоровавшись со мной и поговорив немного с Джото по-абхазски, Кичин снял с себя мешок, положил рядом ружье, сел у костра на корточки, достал кисет с табаком и закурил длинную тонкую трубку. Он шел с соседней кочевки в тот именно дом, где остановились и мы, и нес своему приятелю Мухтару свежего сыру.

— Он утром будет обратно на кочевке, Эвген, и приглашает нас к себе, — сказал Джото. — Пойдем к нему завтра, он говорит, что покажет туров.

На мои расспросы Джото объяснил, что Кичин — первоклассный охотник, и советовал посмотреть его «отметки» на берданке. Действительно, все ложе его ружья было испещрено различными нарезками — черточками, крестиками, лунками. Снисходительная улыбка чуть озарила лицо старика, когда он пояснял мне, через Джото, значение этих таинственных знаков. Черточки — это серны, убитые Кичином (их больше ста), крестики — туры (около сорока), лунки — медведи, еще что-то — олени, а вот два больших креста — это «адамбэ» (зубры). За ними он оказывается спускался когда-то давно в охранявшиеся тогда многочисленною стражею уголья великокняжеской кубанской охоты, к речке Белой, Малчепе,

Уруштену, рискуя головою за такое браконьерство...

Смешанные чувства теснились у меня в голове, когда я глядел на эти краткие, выразительные итоги охотничьей деятельности одного Кичина. Сотни серн и туров убиты им из-за мяса и шкуры (на ремни для поршней), олени — тоже. Воспользоваться мясом и шкурами зубров ему, конечно, не пришлось, — охота на них была чистым «спортом». В результате — гибель и уничтожение редчайшей, вымирающей уже дичи, все равно из каких побуждений выбиваемой человеком... А ведь таких Кичинов — абхазцев, карачаевцев, осетин, сванов, рачинцев, дагестанцев и т. д. — не сотни, а тысячи. Все пастухи в горах — более или менее Кичины! И если охотничьи инстинкты заставляли меня с некоторою завистью и почтением смотреть на блестящего охотника-абхазца, то натуралист и любитель природы во мне были возмущены этим ворохом ненужных жертв.

Кичин скрылся в надвинувшейся темноте... Над нами ярко сияли бесчисленные звезды. Снизу, от вековых дремучих лесов, несло сыростью и прохладой. Джото уже спал. Я докуривал папиросу и думал о зубрах, оленях, турах... Теперь, под покровом ночи, они чувствуют себя в безопасности и могут выйти на кормежку, не опасаясь своего вечного гонителя и палача — человека... Вдали резко хлопнул выстрел. Позже мы узнали,

что это стрелял Кичин в оленя, случайно встреченного на лесной тропе, и смертельно его ранил, судя по кровавым следам... Опять все смолкло. Трещал наш громадный костер, от которого было так тепло. Сон незаметно овладел мною...

VI. МОЙ ПЕРВЫЙ ТУР

Несколько раз за ночь мы вставали — подкладывали дрова в потухший костер: холод сразу давал себя чувствовать, и мы просыпались в ознобе.

С рассветом мы поднялись в горы. Только выбрались из полосы сплошного рододендрона на луга, как из-под моих ног с громким треском поднялся черный тетерев * и улетел вниз под гору.

Мы поднялись на скалы, миновав травянистые луга, и двигались, постоянно забирая вправо, к вершинам. Орлиным взором осматривался Джото и, наконец, за глубоким каменным ущельем у отвесной скалы разглядел небольшую зеленую площадку, а на ней — одинокого тура с прекрасными рогами. Бинокль открыл мне, что с площадки у тура была наверх лишь одна дорога — в том месте, где трещина и водомоины нарушили неприступный отвес скалы и давали возможность приткнуться цепким копытам тура. Джото уверял,

* Кавказский тетерев — *Tetrao mlcosiewiczzi* Tacz.

что снизу можно подобраться к площадке и бить тура наверняка в тридцати-сорока шагах. Но, испытав вчера прелесть подъема по отвесным скалам, я не захотел сегодня повторять этого опыта. Джото полез кверху, а я пошел в обход к тому месту, куда должен был, по моим расчетам, выскочить козел, потревоженный снизу Джото. Я просил абхазца итти возможно медленнее, чтобы дать мне время совершить большой обход в два километра. А Джото предстоял короткий, зато неизмеримо трудный путь: ему нужно было опуститься в глубокое ущелье, затем подняться по обрывам до тура. Если бы ему не удалось стрелять самого козла — все равно, добравшись до крайней возможности подхода к нему, Джото должен дать хотя бы пустой выстрел, чтобы погнать тура на меня.

Больше часа, бросив на месте рucksак, запасные стволы и все лишние вещи, я налегке пробирался к намеченному утесу. Наконец, весь в поту, с замиранием сердца и дрожью в руках, я осторожно подошел к намеченному камню... Впереди меня, шагах в ста, проходила грань обрыва, под которым находился тур. В одном месте над обрывом поверхность несколько понижалась и была заполнена мелкими и крупными камнями. Видимо, здесь обычно проносились с вершин дождевые потоки, и они-то размыли обрыв, развели его края и образовали туриную тропу.

Я засел за большим камнем, уложил на нем, подложив башлык, штуцер, взвел курки и стал ждать. Минуты казались часами. «А вдруг, Джото сразу уложит на месте козла? Ведь он такой знаменитый стрелок... Чего ж тогда я столько старался?.. А если он промажет, но у тура найдется другая дорога и он уйдет по ней?..»

Мысли мои прервал глухой выстрел, за ним, мне показалось, раздался другой, третий, десятый, где-то вблизи меня: эхо разносило выстрел Джото по ущельям и скалам. Руки впились в ружье, я приложился и замер в ожидании...

И — желанный тур показался. Но не там, где я его ожидал, а значительно левее, прямо из-за обрыва. Уверенным скачком, спокойным и неторопливым, он выбросился вдруг на край скалы из-под обрыва и остановился. Гордый, величественный, высоко подняв бородатую голову с чудесными рогами, он стоял боком ко мне. Но мысль, что этот красавец, сраженный моей пулей, неизбежно свалится в бездну, откуда его не достанешь, удержала меня. Через мгновение тур повернул и быстрым шагом двинулся в мою сторону. Держу его на мушке, жду момента. Вдруг он остановился и резко свистнул, вероятно, зачуял меня. В то же мгновение прогремел мой выстрел, и тур упал. Увидев, что тур сделал попытку подняться на передние ноги, я выстрелил еще раз...

Он лежал передо мною во всей своей красе. Охотники поймут мое счастье, заслуженное ценою утомительного путешествия, двухдневных шатаний по заоблачным вершинам, стертыми в кровь ногами, подъемами с опасностью для жизни на неприступные скалы... Ни один трофей ни раньше, ни позже не доставил мне такого наслаждения и радости *.

Я было бросился к обрыву, чтобы оповестить Джото о своей удаче, но во-время остановился. Бездна тянула меня к себе какой-то неудержимой, притягательной силой. Мне страшно было подходить к отвесному обрыву. И я отошел подальше от карниза...

Надо мною сверкали льды хребта, его вершины, кругом — море скал, ущелий, утесов, гремели студеные ключи, внизу — луга, еще ниже — заросшие вековым лесом ущелья, истоки кубанских рек, у ног — убитый тур...

Я чувствовал всю полноту охотничьего счастья и свободы. И вдруг, бессознательно, просто и естественно, во весь голос запел какое-то подражание абхазской охотничьей песне... Героический мотив без слов — одними звуками — выражал ликование, наполнявшее меня и нашедшее

* В этом районе хребта живет так называемый западно-кавказский тур, относимый к двум формам — *Capra sewerzowi* Mensb. и *Capra dinniki* Satun., различающимся между собою главным образом рогами. Убитый мною тур (*Capra dinniki*) имел рога длиною 62 см., между концами — 52 $\frac{1}{2}$ см., толщина у основания — 27 $\frac{1}{2}$ см.

выход в этих звуках... Я улыбался и громко пел, как дикарь, торжествующий победу.

Вдали показался Джото. Завидя меня, он бегом бросился ко мне...

— Хорошо, Эвген, ай, хорошо!.. — улыбался он милою детскою улыбкою. — Я бежал к тебе помогать по нашему обычаю, потому что ты пел нашу песню и я знал, что ты убил козла!.. Я — первый прибежал, — рассмеялся он, — теперь филей будет мой!..

— Спасибо, дорогой Джото, спасибо... Без твоей помощи мне не видать бы этого красавца! Бери филей, все, что хочешь, бери, только вот голову и рога я никому не уступаю...

На мгновенье, однако, моя радость было омрачилась. Джото признался, что подобрался к туру — незаметно для него — на тридцать шагов и мог его уложить на месте.

— Но ты — мой гость, ты должен был убить тура, я стрелил в воздух...

Горячо пожал я шершавую руку абхазца в восхищении от такого необыкновенного охотничьего благородства и деликатности.

Абхазец — «абсуа» — «человек души», в переводе на русский язык. И действительно, редко у какого другого народа найдешь столько врожденной душевной мягкости, тонкости и нежности, как у этого дикого и грубого на первый взгляд абхазца.

Но не долго мучили меня сомнения. Здоровый эгоизм взял верх над «философией», сознание радости, что я убил своего первого тура, вновь овладело мною и уже не покидало до конца охоты.

Долго и неинтересно было бы рассказывать, как сняли мы с тура шкуру с головою, разняли его на части, связали два основательных тючка мяса, взвалили их за спины и тихонько побрели к месту, где бросили остальные вещи. Жестоко ныла с непривычки спина, я с радостью свалил свою ношу на землю. Сели отдохнуть, покурили. Солнце стояло высоко. Парило.

— Пойдем, Эвген, на кочевку к Кичину, — сказал Джото. — Это близко совсем... Возьмем у него лошадь, и к дому вернемся низом, у леса, по тропе.

Опять навьючились и медленно пошли. Мой рucksack с индейкой и запасные стволы Джото отобрал от меня и тащил на себе, вероятно, всего около пятидесяти килограммов, а я изнемогал под своей, более легкой, ношей.

Наконец мы подошли к лугам и вблизи от границы леса увидели кочевку Кичина. С полдюжины овчарок с визгливым лаем бросились нам навстречу. Следом за ними из землянки выскочили пастухи-абхазцы, отогнали собак, сняли с нас наш груз и, неумолчно тараторя с Джото, привели нас на кочевку.

Вокруг бродили коровы и лошади, вдали, на зеленых склонах, паслись овцы...

Недалеко от входа в землянку стояло врытое в землю сухое дерево со множеством обрубленных сучьев. На них висело с десятков рожек серны, пар шесть турьих рогов, только что освежеванная тушка серны и обрезки шкурок. На драничной крыше были растянуты для просушки четыре небольших медвежьих шкур. Пахло навозом, молоком, сыром, овцами...

Кичин уже вернулся. Он сказал, что друзья мои тоже вчера убили молодого тура, а о нашем отсутствии не беспокоятся. Кичин предлагал мне заночевать у него, а завтра, чуть свет, обещал хорошую охоту на туров — при возвращении их с ночной кормежки на лугах... Но с меня было довольно пока этой охоты. Мечты мои теперь направились вниз — в темный дремучий лес, где ходят олени, где при удаче можно увидеть даже зубра... Я должен хотя бы побродить по этим знаменитым местам лучшего кавказского уголья.

Быстро сварили абхазцы неизменную мамалыгу (замешанную на кипятке кукурузную муку). Мы уселись в землянке рядком. Впереди нас — чистые доски, на них — особая для каждого порция дымящейся мамалыги, деревянная чашка с кислым молоком, ломти молодого сыра. Ложек нет. Скатываем пальцами из горячей кукурузной

каши шарик, обмакиваем в кислое молоко и с аппетитом уплетаем. А кусок сыра, воткнувший в горячую массу мамалыги, превращается в нежный питательный продукт, который в большом количестве поглощается абхазцами. Говорит один Кичин, как старший, остальные молчат и сосредоточенно уписывают еду. Джото изредка подает голос. Сильное родовое начало сквозит в каждой черте быта абхазского пастуха.

Джото на нагруженной туром и нашими вещами лошади едет лесною тропинкою к дому, а я со штуцером в руках спускаюсь ниже, в сырые темные леса, в убежище последних зубров.

Мрачные, темно-зеленые великаны-пихты сплетаются исполинскими ветвями, образуя непроницаемый для солнца свод. Полутемно, травы нет, пахнет сыростью, грибами. Зато вдоль берегов бурлящих по камням речонок, — гигантские папоротники, лопухи, всевозможные зонтичные, цветы, травы, мягкий длинный и бархатный мох, кустарники, мелколесье. Так — на каждой лесной прогалине, лужайке, на буреломе, у каждой промоины, образованной селевыми * потоками... Таинственный лес. За несколько часов не ознакомишься с его тайнами, на них нужно время и долгое терпенье... Вот тропа! Да, ясная тропа... Целые стада крупных животных проложили

* Сель — дождевой поток с камнями, грязью, песком.

ее. Но сколько ни шел я по ней, сколько ни приглядывался — никаких следов рассмотреть не удалось. Тропу пересекает другая, там — третья... Я не умел еще тогда читать книгу звериных следов, но мне было ясно, что не скот, не человек, а могучий зверь пробил эти тропы. И зверь этот — зубр...

Уже смеркалось, когда я выбрался на свою тропинку. Вправо от меня раздался выстрел, через минуту — другой: товарищи подавали сигналы.

В кругу друзей, за стаканом вина, уписывая шашлык из м о е г о тура, засиделись мы до полуночи вокруг огня.

Иван Андреич и я взяли по туру и горной индейке, доктор — лишь пару альпийских галок, да неудачно стрелял по двум тетеревам и серне на триста шагов пулею из гладкоствольного ружья.

— Надоело шататься по этим проклятым скалам, дай, думаю, хоть напугаю одну зверюку... — острил он.

Заснул я богатырским сном в ожидании новых охотничьих переживаний: завтра Мухтар обещал проводить нас в сторону Грибзы*, к своему приятелю Махмуду, где туров, по его словам, было еще больше...

* Горное урочище в верховьях р. Бзыби, на южной стороне хребта.

VII. СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ

За эти два дня наши кони отлично отдохнули, наелись вволю чудесной альпийской травы и теперь легко пробирались по крутым склонам и тропкам отрогов хребта. Мы проехали уже больше двадцати километров, когда Мухтар своею нагайкою указал на зеленевшие впереди горные луга, косогорами убегавшие к облакам:

— Грибза! Много тура там есть... многа черный джайран... многа разный: медведь, индушка, акуто *...

В это время мы слышали отдаленный выстрел. Прошло несколько минут — опять выстрел, за ним — еще выстрелы с почти одинаковыми промежутками...

— В чем дело, Мухтар? — спросил я абхазца. — Неужели здесь идет охота? Ведь тогда зверь весь распуган, и на нашу долю ничего не останется...

— Нет, это не охот, — возразил спокойно Мухтар. — Это стрелит мальчик Осман... Авицба сын... знаешь, обезчик, которого казаки убил... он учится... Это кочевка — ему... он здесь «хазяин»... скатина — тоже ему...

Я стал припоминать. Два-три года назад из Сухума на Кубань поехал покупать лошадей лесной объездчик Авицба, сухой горбоносый ста-

* Акуто — куропатка по-абхазски.

рик-абхазец. Живо вспомнил я его подвижную тонкую фигуру в короткой черкеске, туго затянутой кожаным поясом, на котором висел кинжал. На большой папaxe и на левой стороне груди у него красовались большие медные бляхи с орлами — знаки его достоинства, которыми он наивно гордился. Всегда вежливый и приветливый, старик как раз при мне просил лесничего отпустить его на неделю за Перевал, откуда он хотел привести лошадей, в том числе одну для меня. Но там, на той стороне хребта, его убили, и вот теперь случай свел меня с его сыном.

Выстрелы все ближе. Раздается лай собак... Мы подъезжаем к кочевке.

Из врытого в землю обширного шалаша, крытого тесом, вылезло человек десять пастухов-абхазцев во главе с громадным человеком зверского вида. На поясе у него болтался неизменный кинжал и огромный турецкий револьвер... Они поздоровались с Мухтаром, который, видимо, отрекомендовал меня своему приятелю. Махмуд быстро подошел ко мне, ласково улыбнулся, оскалив белоснежные зубы, левой рукою взял поводья моей лошади, а правую так пожал мою руку, что я чуть не вскрикнул от боли. Ну, и силища у этого великана!..

И тут, у шалаша, тоже торчало сухое дерево с обрубленными сучками, а на них, так же, как

у Кичина на кочевке, висели рожки, ремни и шкуры туров и серн.

Мне особенно хотелось увидеть сына убитого Авицба, и я пошел с одним из пастухов к ближайшему ущелью, откуда продолжали раздаваться выстрелы. Мальчик, видимо, так увлекся своим «ученьем», что заметил нас, лишь когда мы подошли к нему вплотную. Он лежал на одной стороне глубокого ущелья и через него стрелял на ту сторону, выбирая целью отдельные камешки и почти без промаха разбивая их своими пулями на расстоянии более ста шагов. Завидя нас, он быстро вскочил на ноги и скромно стоял, пока мой провожатый не объяснил ему цели моего посещения, а я не подал ему руки. Осман ни слова не понимал по-русски, так что мне не пришлось поговорить с этим интересным мальчишкою. На вид ему было не более двенадцати лет, но врожденная абхазцу сановитость, какая-то важность не по летам, чувство собственного достоинства сразу поразили меня в нем. Чувствовалось, что он понимает свое особое значение среди окружающих пастухов. Оказалось, что, по абхазскому обычаю, эта кочевка, т. е. определенный район горных пастбищ, арендовавшаяся прежде у казны на имя старика Авицба, как представителя группы сельчан, по смерти его арендуется на имя сына, несмотря на его малолетство. Односельчане в память отца признали мальчишку-сына за своего

официального представителя и арендатора пастбищ, хотя имели на них не меньше права, чем Осман.

Я осмотрел его ружье — укороченную берданку и, как умел, похвалил его меткую стрельбу. У мальчика рот открылся до ушей, и вся его сановитость сразу исчезла. Он весело и быстро заговорил что-то по-абхазски, похлопывая рукою по берданке. Несколько сот пустых гильз лежало тут же: мальчик основательно проходил свое «ученье».

Когда мы подошли к шалашу, мамалыга уже дымилась, на досках стояли миски с кислым молоком, лежали ломти молодого сыра. Махмуд в знак особого ко мне уважения посадил меня рядом с собою и дошел в своей любезности до того, что катал из мамалыги собственноручно шарики, обмакивал их вместе со своими грязными пальцами в мою миску с кислым молоком и затем совал их мне прямо в рот. Я чуть не подавился от этой неожиданной для меня чести и едва упросил его не беспокоиться обо мне больше и не кормить меня насильно. За столом мальчик сидел где-то далеко и держал себя так незаметно, будто его и не было между нами — обычай патриархальных абхазцев, по которому младшие из уважения к старшим не только молчат в их присутствии, но и садиться не смеют.

Кончилась наша трапеза. За более интересною дичью итти было уже поздно, а к тому же накрапывал маленький дождик, небо было серое, туманное. Мы пошли с Махмудом к ближайшим зарослям рододендрона, где, по его словам, было множество акуто — каких-то неизвестных мне куропаток с длинными хвостами. Дождь назойливо сыпал сверху. Мои брюки и поршни быстро промокли от мокрого рододендрона, по которому приходилось топтаться. Но я с азартом ходил кругами по кустам, швырял в них камнями, кричал и шумел, надеясь выгнать хоть одну таинственную куропатку. Махмуд всячески помогал мне в этом и немилосердно колотил по кустам длинною палкою. Однако все наши старания не привели ни к чему: акуто так и не показались. Позже я узнал, что пастухи так называют черного кавказского тетерева, который в большом количестве водится во многих местах абхазских гор. Но тетерева эти так крепко сидят в своих зеленых убежищах, что без хорошей собаки выгнать их оттуда невозможно, и поднять тетерева можно только случайно, наткнувшись на него в упор.

Остальную часть дня мы провели в шалаше, вокруг огня. Почистили ружья, подсушили намокшую обувь и платье, обсудили завтрашнюю охоту на туров и серн... А попутно я расспросил Мухтара и Махмуда про заинтересовавшего меня мальчика Османа и, узнав подробности

смерти его отца, понял смысл его упражнений в стрельбе... Вспомнились и полузабытые рассказы казаков кубанских станиц, где я был два года назад, об убитых ими трех конокрадах-абхазцах, некоторые слова лесничего об убитом объездчике. Теперь перед моими глазами рисовалась ясная и жуткая картина разыгравшейся за перевалом драмы, которую случайно мне удалось проследить до конца.

В тихое июльское утро, на рассвете, покинул старик Авицба с двумя друзьями родную пацху * в общине Чилоу, перебрался по висячему Багатскому мосту через бурный Кодор, быстро миновал селение Латы и по реке Чхалте доехал до Марухского перевала, где путники заночевали у костра. На другой день перевалили сравнительно легкий Марух и быстро спустились по реке Зеленчуку в Кубанскую низину. Пошли казацкие поля, огороды, показались станицы. Абхазцы, на своих маленьких крепких лошадках, кочевали из одной станицы в другую, посещали базары и ярмарки и приценивались к лошадям. Они купили несколько хороших коней, выправив на них все нужные документы, а через неделю — и след их пропал словно, в землю провалились... Зато здесь, то там — по станицам и хуторам — стали пропадать кони: где один, а где и пара. А в Зеленчукскую станицу прискакал поутру пастух из

* Пацха — досчатая, крытая тесом, изба абхазцев.

ночного и поднял крик у правленья: из станичного табуна ночью сведены четыре лучших коня, а взамен оставлены три жалких клячи...

«Абхазово это дело, братья, никак не иначе... Недаром тут какие-то три азиата все хаживали, да к коням приценивались... Это они свели!..» — решили казаки и мигом организовали конную погоню... Часть бросилась на Кардоникскую, другие рассыпались по всем дорогам и тропкам к перевалу. Замылились горячие кони, запотели казаки, весь день мчались, зорко разглядывая следы и свороты с дороги, но ничего не нашли: абхазцев нигде не было. Поставили дозорных у перевала, а остальные решили ехать ночью обратно к станицам и поискать абхазцев там.

Партия в пять казаков неслышно двигалась по дороге на Кардоникскую. Временами они останавливались, один из них слезал с коня, взбирался на соседний холм или скалу и во все глаза глядел кругом... И, наконец, они их открыли. Среди густых зарослей на берегу Зеленчука, окруженный сплошным лесом, чуть блеснул огонек — будто свет жука-светляка... «Они... они!..» Казаки спешили, отвели в противоположную сторону в лес коней, стреножили их, а сами с винтовками в руках стали неслышно пробираться к огоньку... Неслышно подползали казаки все ближе и шагах в сорока от огня остановились: у костра сидели на корточках три абхазца, курили

трубки и вполголоса беседовали. Қони паслись тут же... Раздался залп. Двое были убиты наповал, третьего казаки дорезали. При убитых оказалось одиннадцать лошадей, а в кармане у Авицба — удостоверения на шесть купленных коней, увольнительный билет от лесничего и сотни три рублей... Убитых раздели, взяли что получше, остальное тут же бросили, перевязали отбитых коней и весело двинулись к своей станице... Под утро громкая песня казаков на улице разбудила станичников... К правлению бросились со всех сторон любопытные и жадно слушали самодовольные рассказы участников ночного приключения.

Первый акт драмы кончился, начинается второй...

Станичное правление переслало лесничему в Сухум билет убитого Авицба (у товарищей его при себе никаких бумаг не было) и сообщение о его смерти «во время перестрелки» из-за украденных им лошадей.

Из Чилоу в Зеленчукскую ездила целая депутация абхазцев за трупами убитых. Просили стариков-станичников, угощали, кого нужно было, водкой. В конце концов на выюках привезли в родные хутора полуразложившиеся трупы убитых. Мальчишку Османа тоже брали с собою, а во главе экспедиции стоял Махмуд, его дядя по матери.

Мальчику растолковали его новые обязанности и его долг перед убитым отцом: он должен отомстить за отца. А для этого ему нужно уметь метко стрелять. Лучше не жить ему на свете, если он перенесет этот позор и бесчестье, не смыв его казацкою кровью... И мальчик слепо и с увлечением отдался своему «долгу», жил и видел себя взрослым, когда он сможет, наконец, с открытым лицом явиться в родную общину, отомстив смертью за смерть отца.

Но он погиб раньше, чем успел убить пять казаков: число жертв, которое, по внушению Махмуда, являлось достаточным искуплением на кровь отца.

Едва исполнилось Осману шестнадцать лет, как он ринулся через горы, в сопровождении закадычного своего друга — молодого Мисостро, брата убитого одновременно с его отцом абхазца, мстить казакам. Кому именно? Казакам какой станицы?.. Это безразлично. Лишь бы это были казаки.

Им удалось поначалу прикончить ночью двух казачат, стороживших лошадей у какой-то станицы. В другой раз Осман застрелил на дороге босого казака, возвращавшегося с поля. Но третьих нападение закончилось печально: они промахнулись по работавшему в поле станичнику, а тот выхватил откуда-то винтовку и сразу уложил Османа. Работавшие недалеко другие казаки тоже оказались вооруженными и открыли пальбу по

Мисостро. Он спасся только благодаря быстроте своих ног...

Закончен и второй акт этой драмы... Но у Османа остались родные братья, двоюродные, дядя и другие родственники. В порядке очереди их близости по крови к убитому страшный клубок мог разматываться все дальше и дальше, все новые жертвы, невинные, ненужные, могли пасть из-за преступного и дикого обычая... В старое время бесконечная цепь взаимных убийств на почве мести, загадочная гибель людей, ни в чем ни перед кем не виновных, вызывала ряд новых и новых убийств, кровь рождала кровь...

Октябрь положил конец этому кошмару. Темная дикость мрачных пережитков, жестокость вековых предрассудков и обычаев навсегда уходят из жизни. Молоденький брат Османа уже сидит за книжкой в трудовой школе, там он учится правде и труду.

VIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ

— С дождичком вас!.. — грустным тенорком закричал Иван Андреич, всегда первый поднимавшийся с постели.

Тусклый свет туманного рассвета проникал в двери. Горы — сплошь в тяжелом белом облачном саване, горные ручьи вместо воды несут какую-то шоколадную жидкость. За ними из

ущелий подымается густой туман, лесов не видно вовсе, сверху сеет мелкий упорный дождик... Не важно! А делать нечего: в горах такие сюрпризы не редкость. Судьба охотника в горах — в руках погоды: в туман и дождь самый смелый горец не рискнет итти на скалы. Тем более обязательно это правило для неопытных городских охотников.

Тоскливо тянется день. Коротаем время в разговорах, снова чистим ружья. Нет-нет выйдем осмотреться — ничего утешительного: обложило кругом основательно, — видно, надолго. Прошла ночь. Утром — все то же: дождь и туман... Решаем, если погода не поправится, ехать завтра обратно в Сухум и по дороге, если погода позволит, поохотиться на Псху на медведей. Утром седлаем коней и, накрывшись бурками и башлыками, трогаемся в обратный путь.

Вся «кочевка» абхазцев высыпала нас провожать. Старшие в знак уважения поддерживали с противоположной стороны стремя седла, пока мы садились. Младшие держали лошадей под уздцы.

Караван наш медленно спускался куда-то вниз, в молочную гущу туманов. Кочевка быстро скрылась из глаз. Кроме смутного силуэта ехавшего впереди Мераба я ничего не видел. Куда девались зеленые луга, обрывы ущелий, дикие скалы хребта? Их сразу съел туман, будто не

было здесь никогда ничего другого, кроме этой противной мокрой слизи... Шумит где-то ручей, неумолчно тарахтит на выюке Мераба наш верный чайник, да лошадь изредка заденет подковой о камень, нарушая мерный тихий топот привычных крепких ног.

В тумане показались неясные, сначала одинокие, деревья. Дальше — их больше, они выше и толще. Мы едем уже по лесной тропинке среди гигантских пихт, становится светлее, туман редет. Временами мы замечаем, как он густыми клубами быстро прет вверх от земли и исчезает в высоте. То с одной, то с другой стороны вдруг показываются просветы, виднеются куски леса, ряд косматых суровых хвойных великанов, там мелькнет покрытая пушистым ярко-зеленым мохом каменная глыба, нежные вайи папоротника... Дождь перестал. Налетел порыв ветра. Кисейная завеса дрогнула, зашевелилась... Снова подул ветер и развеял впереди туманную стену. Перед нами лежала долина Псху, зеленая, влажная, мягкая и кудрявая. Перебрались через засыпанный громадными камнями, кипящий пеною, поток и выбрались на проторенную стадами широкую, почти ровную дорогу...

Часок провели у приятеля-белорусса, перекусили и двинулись дальше за Бзыбь.

Погода совсем исправилась. Горячее солнце заливало землю теплом и светом, быстро сушило

почву. Только старик Кавказ стоял за нами, укутавшись в свою белоснежную бурку из туманов, но и ее скоро растопит солнце, обнажит всю красу великого хребта...

Знакомым бродом переправились через Бзыбь, свернули к одинокому деревянному домику на лесной поляне.

Всезнающий Мераб рассказал нам, что дом этот выстроен каким-то абхазцем-пастухом в память умершего брата: «чтобы было где укрываться людям в непогоду, переночевать, отдохнуть от трудного пути»...

Еще одна черточка, и очень характерная, для понимания абхазца. Какой другой народ станет строить в дикой лесной глуши приют для неведомых ему странников, от которых никогда не увидит никакой себе пользы или выгоды!..

«Спасибо тебе, добрый и чуткий человек», — подумал я, раскладывая свои пожитки в просторном помещении своеобразной бесплатной гостиницы, а Мераб торжественно снял с головы башлык и с чувством произнес: «Да будет благословенна мать, которая родила такого сына!..»

Мы с доктором и Иваном Андреичем вышли на разведки: ночью решили караулить под грушами медведей. Нужно было осмотреться и выбрать места для «сиденок».

Мы шли по лесным полянам, густо заросшим высокими травами и бурьяном. Только под громадными деревьями диких груш и кислиц (яблоко) травы почти не было — влажная земля усыпана падалицами, испещрена бесчисленными следами топтавшегося под ними зверя, противными «лепешками» медведей, наполненными косточками алычи и кизила. Здесь жировало целое стадо кабанов — острые развилки их копыт понатыкали в мягкой земле множество характерных резких углублений, от маленькой ножки поросенка до внушительной ноги огромного одиночки или свиньи. Там увесистая мягкая лапа громадного мишки отпечаталась на грязи со следами его кривых когтей, и мы невольно впираемся глазами в эту «визитную карточку», как Робинзон — в след дикаря на песке своего острова. «Вот бы такого встретить!» — думается каждому из нас. Следов медведей особенно много, и мы без труда намечаем для каждого из нас удобные места для ночной охоты.

Кругом в лесу носилось с отчаянными резкими криками множество соек. Некоторые из них подлетали на ближайšie к нам деревья, садились и, перелетая с ветки на ветку, задрав хвосты и опустив головы, внимательно нас осматривали. А затем с теми же криками исчезали. Но большинство соек летело по лесу в каком-то одном направлении.

— Вот землемеры дурацкие! — пропищал Иван Андреич. — Где они вертятся — ни к одному зверю не подойдешь: сейчас гвалт поднимают...

Правильно он это сказал про соек. Если днем идешь по лесу, сойки все время тебя сопровождают, громко крича и перелетая с дерева на дерево. Но если стоять смирно в лесу, например, на номере при облавной охоте, то сойки часто бывают охотнику даже полезны, предупреждая о подходе зверя, особенно лисы. Ее продвижение по лесу обычно сопровождается усиленным, резким и своеобразным криком осторожных соек.

И почти каждый зверь настораживается, услышав тревожные сигналы зоркой птицы об опасности. Все это мы с доктором хорошо и сами знали, но почему Иван назвал их землемерами — это для нас непонятно.

— Да очень просто почему: потому что, вон видите, они летят все в одну сторону. Ну, у них такая, говорят, привычка: летят они — хотят всю землю измерить. Отлетят сколько-то, а потом ворочаются узнать, много ли они от своего гнезда отлетели. И так каждый день! Вот вам и землемеры, да и дурацкие притом!..

Кроме соек, мы еще встречали здесь, как и в других лесах Абхазии, только черных дроздов. Они с раскатистым стрекотанием носились от одного заросшего плющом и колючими лианами дерева к другому. Только эти две птицы, в сущности

говоря, и оживляют немного абхазские леса, в общем мертвые, безжизненные: там иногда днями не увидишь и не услышишь птицы.

После скромного «обеда» мы улеглись спать: предстояла бессонная ночь в лесу. Перед вечером мы быстро поднялись, оделись потеплее, вооружились ружьями, кинжалами и выступили в ночную экспедицию. Небо было чистое, без туч, вдали алели последние закатные лучи на зубцах хребта и быстро угасали... Луна восходила поздно, около десяти вечера, но идти к выбранному месту приходилось заранее, до темноты, чтоб не блуждать и не гугать зверя.

Неслышно ступая мягкими подошвами поршней, я быстро добрался до своей «сиденки». Выбрал густой куст орешника, среди которого торчал толстый полусгнивший пенёк, и уселся на груде перепрелых сучков, веток и сухих листьев. Впереди пролегал хорошо наторенный лаз из кустарной чащи на открытую поляну. Вправо от меня, шагах в двадцати, стояла усыпанная плодами груша. На лазе и под грушею было множество совершенно свежих следов медведей и кабанов. Ясно, что зверь ходит по этой дороге ночью кормиться на поляны, а под утро скрывается по ней в чащу, в сторону перевала...

Сижу спокойно, ждать еще долго — часа три... Курю последнюю папиросу и окурок тщательно прикапываю землей, чтобы не учуяли меня звери.

Вдруг — едва уловимый слуху мягкий шум. В двух шагах, прямо перед мною, на ветке — большая сова. Едва различаю очертания, но хорошо вижу ее громадные желтые глаза, внимательно на меня устремленные. Не двигаюсь, будто замер. Замерла и сова, только изредка хохлит свои ушки.. Какой-то свет возле меня... Что это? Осматриваюсь одними глазами: сухие листья и гнилушки, среди которых я сижу, засветились нежным голубоватым таинственным светом... По рукаву осторожно ползет лесная мышка. Сбрасываю ее резким движением руки... Сердце стучит, нервы взвинчены. Все так необычно, волшебное... Мягкий хлопок крыльев. Сова улетела... Жуть захватывает. Сова, таинственный свет, лесные шумы... А что ждет меня через час-другой?.. Рассудок борется с проснувшимся вдруг в эту темную ночь] стародавним чувством первобытного дикаря, которое внушало ему суеверный ужас и страх перед ночным лесом, создавало леших и ведьм, наполняло богами природу... Рука невольно крепче сжимает штуцер, нащупывает кинжал, шарит в кармане запасные патроны... Сознание гонит прочь вековую накипь, которая невольно охватила меня, на время завладела рассудком...

Кругом — мертвая тишина. Где же звери? Или они тоже ждут луны, чтобы не сбиться с дороги?.. Ухо различает отдаленное чавканье, характер-

ный звук жующей свиньи... Настораживаюсь. Чавканье прекращается. Опять все тихо...

По тропке слышен приближающийся топот. В десяти шагах от меня пробегает стадо свиней... Я только слышу, но ничего не вижу... Пробежали и рассыпались под соседнею грушею: чавкают, роют землю, хрюкают, пошли куда-то дальше... Опять все смолкло...

Тяжело и нудно сидеть, ноги затекают, а луны все нет. Слегка приподымаюсь, меняю положение ног и разом опускаюсь на землю — вблизи подзрительно хруснула сухая ветка! Я снова замер... Не то сопенье, не то ворчанье, будто человек тихонько мычит с закрытым ртом, и — чуть слышное движение большого зверя... Медведь! Затем я ясно слышу, как медведь лезет на грушу... Трясет ее, сыплются на землю спелые плоды... Чавкает и сопит медведь... Но я ничего не вижу...

Я стал терять терпенье... Глянул вверх на небо, а там уже — чуть заметная светлая полоса со стороны Доу... Луна! Не прошло и получаса, как полный месяц вылез, наконец, из-за хребта и сразу осветил весь лес. Желанный час настал. Теперь и я мог принять участие в ночной жизни леса.

Медведь шумел и сопел возле груши. Я неслышно приподнялся и стал на колени, пристально вглядываясь в его сторону. Я искал

зверя на земле и не находил его. Внимательно и терпеливо разглядывал я все под деревом, но вдруг обнаружил медведя на груше. Темным крупным силуэтом вырисовывался мишка среди ветвей громадного дерева. Удобно усевшись задом на толстом суку, он передней лапою хватал и притягивал к себе ветки с плодами. Опять забилося сердце, руки крепче сжали ружье. Стрелять или лучше не рисковать? Ведь в случае неудачного выстрела раненый зверь может броситься на меня... Но я не долго колебался. Цель была слишком соблазнительна. Не для того я торчал здесь полночи, чтобы посмотреть, как удерет отсюда мишка. Его косматая голова отчетливо виднелась на светлом небе, и я решил бить в голову: попаду — убью наверное, промажу — нераненый медведь только быстро удерет, — риска, по-моему, никакого...

Спокойно нажал я спуск. Загремел выстрел. На секунду все замерло. Затем затрещали ветки, и медведь глухо стукнулся о землю... Я был уже на ногах, быстро вложил новый патрон и ждал, что будет. Там, в тени груши, мишка беззвучно прощался с жизнью, скреб беспомощно лапами землю; скоро успокоился. Все же до рассвета я не рискнул подойти к зверю. Уселся под своим кустом, курил одну папиросу за другою и с нетерпением поджидал утра...

Вдали раздался выстрел. По звуку — это Ивана Андреича.

Он сидел шагах в ста от доктора, поместившегося прямо под громадною грушею. Иван Андреич запрятался в кустах возле другой груши. Один думал стрелять подходящего к нему зверя, другой рассчитывал бить его уже на кормежке. И оба были по-своему правы... Однако неожиданное обстоятельство нарушило их предположения. Доктор, оказывается, вдруг «оробел», когда остался один. Вскоре он услышал недалеке шаги и ворчанье подходящего медведя. Как он сам потом признавался, неожиданно для самого себя он хлопнул в ладоши, и мишка моментально убежал. Еще раза два до появления луны к доктору подбирались медведи, но он всякий раз отпугивал их тем же способом. «Ну их к чорту!» — объяснял он нам потом. «Ничего не видно, кто его знает, какой зверь подходит, — я уж их просто пугал: не тронь меня, а я тебя тоже не трону!..» — говорил наш перетрусивший спутник. Когда же взошла луна, он стал кричать Ивану Андреичу и подзывать его к себе. Тот подошел, ругаясь про себя, — доктор упросил проводить его в сторону домика. Добравшись туда, он завалился спать, выпив предварительно свой обычный стаканчик водки.

А Иван Андреич, показав ему дорогу, стал просто бродить неслышно, как тень, по лесу,

Atomp L. L. L.

зорко всматриваясь и чутко прислушиваясь к малейшему шороху. Это был в то время, пожалуй, лучший охотник в Абхазии. Уроженец Беловежской пуши — там он вырос и получил свое охотничье воспитание — он страстно любил охоту и браконьерничал даже в охраняемой царскими сторожами пуше. За это его выслали на Кавказ, в Сухум, где он поступил на службу лесным объездчиком и охотился по зверю и по птице неустанно, с какою-то неутолимою страстью. Ходил он превосходно, лазал по горам как кошка, стрелял бесподобно. Перед рассветом он свалил громадного кабана килограммов на сто пятьдесят. Этот выстрел я и слышал, когда сидел у своего медведя...

Настало утро. Все кругом заволочло сырым туманом, трава и листья покрылись сильною росой. Но солнце быстро подняло к небу легкие испарения земли. Освеженная за ночь земля радостно встречала наступающий день.

Мой мишка оказался медведицей с короткою летнею светло-рыжею шерстью. Экспрессная пуля перебила ей шею у самого горла... Зверь был упитанный и даже жирный. Но мясо его нас мало соблазняло, хотя два окорока мы все же вырезали и взяли с собой для копченья...

Мераб нагрузил на свою лошадку новый тючок мяса и две шкуры и, беззаботно напевая, повел ее в сторону Доу.

Чем ближе продвигались мы к Сухуму, тем сильнее палило солнце... За Андреевским селением от нашего груза стало нестерпимо разить — мясо испортилось, пришлось выкинуть тут же и кабанятину, и окорока, о чем, правду сказать, никто из нас не пожалел...

Голова была наполнена другими мыслями — недавние переживания еще так свежи, близки...

IX. ОХОТА НА ТУРОВ У МАРУХА *

На рассвете тихого сентябрьского дня я, лесной объездчик Иван Андреевич и Николай Николаевич Т—ко, нарочно приехавший из Киева, чтоб поохотиться на крупную горную дичь, выехали из Сухума. Незаметно пролетели несколько километров вдоль морского берега. А потом мы свернули в горы. Теперь наш путь — все вперед и вперед, все дальше и дальше в горы. Реки и ущелья, горные тропы и чуть живые мосты... Много миновали мы их за этот день! И вот уже поздно вечером мы достигли маленького поселка Латы, расположенного далеко в горах, километрах в восьмидесяти от Сухума.

Чуть свет — мы на ногах. Перед нами — стройный и красивый юноша, лет двадцати. Это сван Бадра, переселившийся сюда с семьей из

* Хребет и перевал на кубанскую сторону.

Сванетии. Он неутомимый и страстный охотник, а кроме того, и приятель Ивана Андреича.

По словам Бадра, туров было много у Марухского перевала. Добраться туда можно к вечеру, а завтра — охота. Бадра плохо говорил по-русски, но все же он сумел рассказать нам, что пастухов в горах уже нет, туры спустились с высот, и охота за ними не будет трудна. Наши ружья — штуцера — привели Бадра в восторг. Его глаза загорались яркими огоньками всякий раз, как он взглядывал на них. Он щелкал пальцами и умильно почмокивал губами. «Ай, хорош... хорош ружо...» — шептал он.

Наши сборы не были долги. Час-другой — и мы тронулись в путь.

Дорога шла по тропке вдоль речки Чхалты, среди вековых буковых и каштановых лесов, полных кабанов и медведей. У берега шумливой горной речки мы раза четыре останавливались, чтобы напиться того или другого «нарзана», которых здесь множество и один лучше другого. Бесценное богатство лежит тут на каждом шагу и поит своею целебною влагою пастухов, проходящих со своими стадами, да случайных охотников.

Река Чхалта, пенясь и перескакивая через камни, гремит немолчным шумом, несет ледяные воды от самых ледников и бешеным потоком вливается в Кодор.

Мы идем пешком по тенистой тропе, под темными сводами леса. Река далеко, а могучий голос ее слышится как бы рядом, будто идем по ее берегу.

Кругом — лес в роскошном осеннем наряде. Особенно разнообразен бук: от желтых, палевых и оранжевых тонов до ярко-огненных, пунцовых, кровавых окрасились в разные цвета его листья, мешаясь в чудных световых сочетаниях с нежно-желтою листвою клена, с мрачною темною зеленью съедобного каштана и липы, на листьях которых — желто-бурые ободки, дающие особенный эффект, когда ветерок заколеблет деревья и заблещут они пестротой своего одеяния. Могучий дуб сияет золотом, трепещут серебром прибрежные осины, а роскошный папоротник-орляк изумрудным покровом одевает землю... Абхазский лес осенью напоминает японский, прославленный сказочною красотою своего осеннего убранства.

Любуемся, идем молча... Впереди, шагах в сорока, среди папоротников, неуклюжими прыжками вдруг бросился бежать какой-то рыжий зверь: мы спугнули медведя, который тут лакомился каштанами. Только быстрый Иван Андреич сумел сорвать с плеча двухстволку и послать вдогонку мишке безвредную пулю.

Прошли еще немного.

Впереди — торопливый лошадиный топот... Показался всадник — пожилой абхазец, за ним—

другой с двумя лошадьми, сплошь навьюченными шкурами и рогами туров, серн и двух оленей... Мы поздоровались, остановились. Я с ужасом разглядывал трофеи безумного уничтожения благородной дичи. Бадра беседовал с абхазцами... Это был «князь» Француз (такое имя) Анчабадзе со своим слугой. Всю эту дичь настрелял он и его сын, пока стада его находились на летней кочевке; теперь он возвращается домой.

«Какие, однако, запасы дичи должны быть в горах, — думалось мне, — если почти все пастухи на всем протяжении Кавказского хребта каждое лето уничтожают ее без милосердия! Что удивительного, что сотенные стада туров и серн превращаются в разрозненные единицы, бродящие по самым неприступным скалам под ледниками, куда все же забираются неутомимые охотники-горцы!»

У нас нет статистики истребления дичи. Наши чудные горы и их обитатели еще мало известны, не описаны как следует, ждут своего поэта-натуралиста, вроде знаменитого Чуді, так красиво и полно описавшего швейцарские Альпы и их природу. Известен у нас горец, который за свою жизнь, к семидесятым годам прошлого века, насчитывал убитых им серн более 2 500 голов! Это не должно казаться преувеличением. Чуді в своей книге говорит, что великий энгадинский охотник Колани, живший в тридцатых годах XIX века, убил за

свою жизнь 2 800 серн, а знаменитые охотники Гларнских гор шестидесятых годов добыли: М. Вальхер — 458 серн, Р. Бочэзи — 675, Генрих Гейц и Давид Цвикки — каждый более 1 300 и т. д. Если такие горы дичи добывались сравнительно недавно в окультуренной сплошь Швейцарии, то у нас, на громадном протяжении безлюдного хребта и его отрогов, где дичи должно быть несравнимо больше и где охотою занимается чуть не каждый горец, добыча ее, вероятно, достигает баснословных размеров. Но учета, конечно, никакого не ведется. Благоприятным условием для размножения дичи в наших горах еще недавно являлось состояние вечной вражды и войны между горными племенами, невозможность и небезопасность из-за этого посещения стадами горных пастбищ. Только после окончательного «замирения» Кавказа в шестидесятых — семидесятых годах неисчислимы стада баранты, лошадей и скота, сопровождаемые множеством вооруженных пастухов, стали каждое лето безбоязненно кочевать по всему хребту, по всем альпийским пастбищам. Вместе с этим появились в горах: ящур, чума, оспа и другие болезни скота, которыми заражаются и от которых гибнут туры и серны, а пастухи-охотники, в свою очередь, немилосердно ведут на них жестокую охоту. При таких условиях никаких запасов дичи, конечно, нехватит, и окончательное истребление кавказской горной дичи — не за горами.

К четырем часам дня мы добрались до покинутого балагана из драни, в котором жили рабочие, заготавливающие здесь буковую дрань и клепку. Тут мы наметили свою временную штаб-квартиру.

Лошади пущены на траву, мы разместились в обширном пустом сарае... Нарубили веток, нарезали папоротника. Скоро четыре зеленых пышных постели, покрытые бурками и одеялами, манили усталых путников своею свежей пухлостью.

Вскипел походный чайник. Мы закусили и, едва сумерки опустились на землю, улеглись, вдоволь наговорившись о предстоящей на завтра охоте...

С первыми лучами солнца мы двинулись в путь пешком, нагруженные ружьями, патронами, небольшим запасом провизии и бурками, так как ночь мы должны были провести в скалах у ледников, а костра там разводить уже нельзя — пропадет охота. Если успеем — сегодня же под вечер засядем на туриной тропе, по которой звери спускаются на ночь вниз на пастьбу, а под утро будем поджидать туров, когда они станут возвращаться с пастьбы в скалы...

Бадра уверял, что к месту охоты мы доберемся за два-три часа, но мы уже больше часа поднимались только по лесу и подходили едва к его опушке. Тропка впереди нас загибалась куда-то

вправо, и нетерпеливый Иван Андреич обрушился на Бадру с требованием сокращать дорогу и идти напрямик, а не кружить по поворотам тропинки. Бадра недоумевающе глядел на нас, но Иван Андреич решительно заявил: «Валяй прямо!..» И тут-то началось наше мученье. Уже через сотню шагов мы наткнулись на широкую полосу густых зарослей лавровишни, и мы ползли в гору, пробираясь как бы сквозь ряды вражеских копий. Все мы, кроме Бадры, были тепло одеты. Ружья и бурки за плечами беспрестанно цеплялись за ветки, которые тянули нас назад. Временами цепкие лапы лавровишни охватывали, как клещами, все тело, ноги застревали в переплете стволов и корней, нехватало дыхания от этой непривычной гимнастики, пот градом лил с головы, заливал глаза... Тяжело дыша, измучившись до одурения, мы, наконец, осилили эту проклятую чащу и вылезли на чистую опушку, по которой рассеяны были редкие одиночные буки и пихты. Сели отдохнуть. Во рту пересохло. В надежде на обещанные Бадрой родники мы несли пустые фляжки, а поблизости воды не было.

Не ожидавший такой переделки киевлянин молча сопел и с испугом озирался. Сам виновник этой нелепой передряги — Иван Андреич — скромно притих и сосредоточенно смотрел в землю... Сидели около часа, затем еще медленнее,

чем раньше, сразу надорвав свои силы на этом препятствии, стали подниматься дальше.

Склоны горы становились все круче, хребтики, по которым мы шли, все уже, ущелья превращались в страшные бездонные пропасти. Все чаще приходилось останавливаться, отдыхать, все медленнее ползли мы в глубоком молчании, томимые жаждой под лучами горячего солнца. Бадра легко шел впереди, сохраняя внешне спокойствие, но в душе, вероятно, искренно возмущаясь нашею непонятною для него медленностью и неповоротливостью.

Уже солнце близилось к закату, а мы все еще шли по узенькому, как спина тура, крутому хребтику, в конце которого вдруг заметили отвесную скалу, стоявшую на нашем пути. Бадра первый спохватился, как кошка бросился бегом вперед, а мы, расставив пошире дрожащие ноги и тяжело дыша, остановились, смутно догадываясь, что случилось что-то непредвиденное и неприятное. Скоро вернулся Бадра.

— Дорога нет! — сконфуженно сказал он.

— Как это нет? — в один голос воскликнули мы трое.

— Так — нет... Иван сказал — валяй!.. Вот валяй... Дорога нет!..

— Что же будем делать теперь?

— Спать будим... здесь...

И мы здесь провели ночь... Не спали толком, конечно, но все же лежали. Оказалось невозможным не только подняться выше, но и спуститься ниже до темноты.

Мы с Николаем Николаевичем нашли на хребтике местечко чуть пошире, расстелили бурку, связались ремнями, чтобы не скатиться в пропасть, накрылись другою буркою и так пролежали до утра, забываясь временами тяжелым, беспокойным сном. Иван Андреич и Бадра разыскивали ниже нас, на страшном скате, две тощих — последних уже — сосенки, охватили их ногами у основания и так, в полулежащем, в полусидячем положении, промаялись до утра... А ночью пошел мелкий дождик, стало сыро и еще холоднее. Мы стучали зубами под своею буркою и время от времени жевали кусок хлеба, чтобы развить в себе, как мы говорили, внутреннюю теплоту.

Но и эта ночь, как все страшные и все приятные ночи, прошла... Мы лежали в каком-то белом облаке, сквозь которое едва пробивался туманный расплывчатый свет с востока. Но вот показались соседние склоны, ущелья, еще темные и сырые, из которых пар валил, как из фабричной трубы. Там горный ветерок сразу сдвинул в сторону целую массу молочного облака, обнажил кусок ясного синего неба. Брызнул первый золотой луч солнца, за ним — другой, третий, и вся масса облаков и тумана задвигалась, заволновалась...

Куда скорее, чем делали вчерашний подъем, спустились мы теперь. Уже к часу дня мы были у балагана, усталые, сконфуженные неудачей...

— Давай мне твой ружо, — сказал Бадра, обращаясь ко мне. — Я сейчас тур убью!..

Он объяснил нам, что еще до вечера доберется по своей тропинке до скал, там переночует и утром будет стрелять туров.

Кровь ударила мне в голову, охотничья страсть заиграла с новою силою — я забыл свою усталость. Я уже видел себя на скалах, туры заскакали в моих глазах, я стал вызываться итти с ним тоже.

— Нельзя тебе... Ты скоро не можешь... Там холодно... Пропадешь!..

Но я уперся на своем. Слова Бадры еще более распаляли меня. На какие силы я рассчитывал — сказать не сумею. Молодой задор и самолюбие охотника заставили меня совершить это безумие: ни бессонная ночь, ни сильная усталость, ни новый подъем на скалы, ни еще одна предстоящая бессонная ночь на холодных высотах — ничто меня не испугало. Около половины второго дня, переобувшись для легкости в абхазские кожаные поршни, быстро перекусив чего-то и взяв с собой только ружье, патроны да кусок хлеба, я уверенно зашагал за Бадрой в гору.

Николай благоразумно отказался участвовать в этом походе, ссылаясь на необходимость

остаться при заболевшем вдруг Иване Андреевиче, который своим тоненьким тенорком убеждал меня непременно итти.

Бадра, как святыню, нес 500-калибровый штуцер Николая Николаевича, который после недолгих уговоров доверил его свану и дал двенадцать патронов. Молодой горец скрыл свое недовольство моим присутствием и, весело улыбаясь, ободрял меня: «Ничего... ничего... придем скоро... тут недалеко!..»

Сегодня итти мне было почему-то гораздо легче: я не задыхался, шел, не чувствуя никакой усталости... Прошло всего каких-нибудь три часа с небольшим, а мы уж выбрались на скалы; впереди торчали зубцы и вершины хребта, блестели ледники и небольшие снежные поля. Мы шли, вернее — карабкались, по левому берегу узкого гранитного ущелья. Надвигались сумерки. И страшно и интересно мне было, чем кончится моя затея... Наша дорога вдруг расширилась, образуя небольшую площадку.

— Сиди здесь, — сказал Бадра. — Тур идет там.. — и он указал рукой на противоположный берег ущелья, до которого было около семидесяти шагов. — А я пойду, где снег...

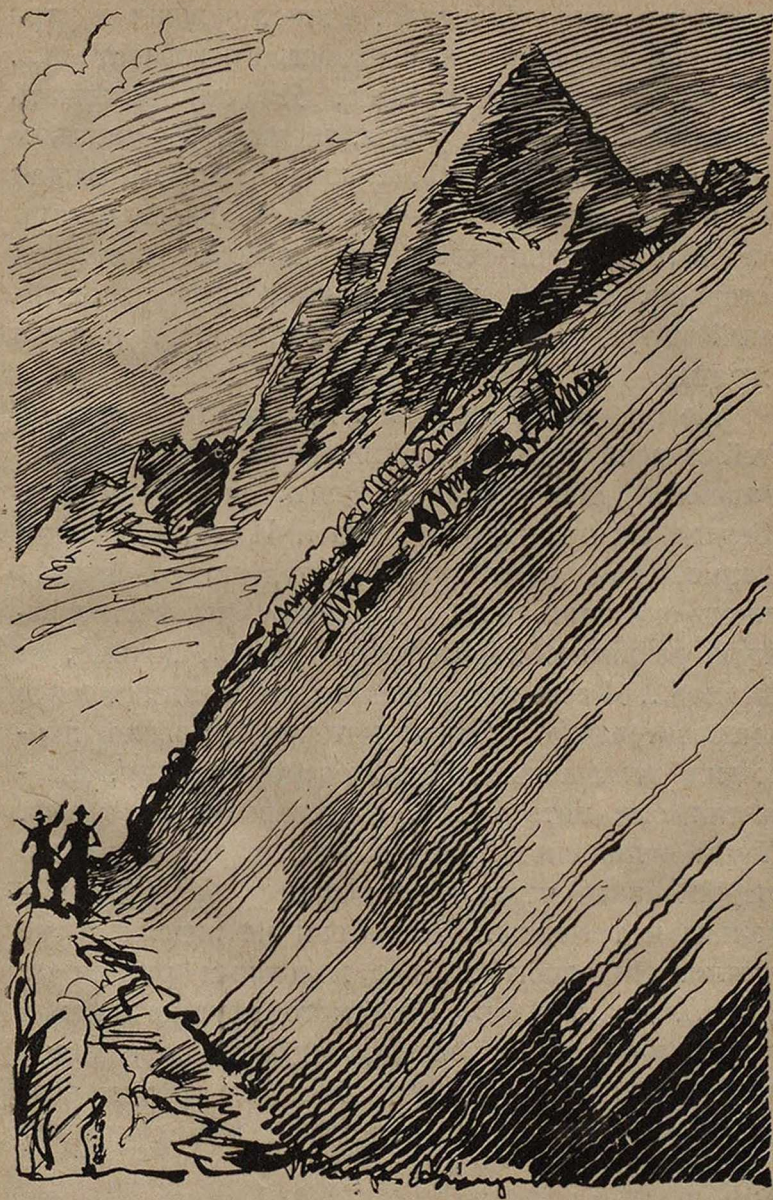
Он быстро скрылся дальше, научив меня предварительно, как провести ночь: все время, не останавливаясь, быстро ходить взад и вперед по площадке — тогда не заснешь, не замерзнешь,

все будет хорошо! Ложиться — ни под каким видом! Насмерть простудишься!

Сумерки быстро сменились мраком. Еще несколько минут яснили утесы на вершинах, но скоро погасли и они. Смешанное чувство страха и смелости наполняло сердце.

Все потонуло в темноте, пока глаза не привыкли к мраку, а на небе не появились звезды. Одна за другой заблестали они с высоты, стало как будто светлее, не так одиноко. Наступило великое ночное безмолвие. Горы заснули. Ни один звук не нарушал покойной тишины, только где-то далеко глухо, чуть слышно, шумел водопад.

Я курил одну папиросу за другой, а окурки бросал в определенное место, которое под утро прикопал землею, чтобы туры не учуяли табачного запаха. Я курил и без-устали ходил по своей площадке, закинув штуцер за плечи, заложив руки в боковые карманы бобриковой куртки. Ходил сначала медленно, а к концу ночи почти бежал в припрыжку. Мысль, что Бадра тоже дежурит, да еще на снегу — выше меня, придавала бодрости. На мое счастье, ночь была тихая — ни одного порыва ветра, только под утро снизу потянуло холодком, и я продрог порядочно. В общем, скажу откровенно, много худших ночей приходилось мне проводить на охоте. Но все же жуткое, непривычное одиноче-

ство чересчур волновало. Страстно ждал я утра и света, как дорогого и радостного избавителя...

Посветлело на востоке. Я стал различать ближайшие склоны, утесы, скалы... По ущельям полз туман, медленно, словно нехотя, покидая свои ночлеги. Я скрылся за большой выступ скалы, обложил себя еще камнями с другой стороны, присел, уложил на башлык заряженный штуцер, взвел курки, затаился и стал ждать...

Не прошло и получаса, как где-то внизу, на той стороне ущелья, послышалось падение мелких камней... Все стихло... Опять упал камень... Сердце стучит, руки дрожат... И вдруг, неожиданно, как всегда на охоте, прямо передо мною оказалась коза с туренком, неизвестно откуда взявшаяся: я просто прозевал, видимо, ее подход... Я весь замер и только глазами впился в очаровательную группу, которая медленно проходила мимо меня... Чуть повернув голову, я заметил еще пять туров, следовавших за козой. Туры шли спокойным шагом, изредка плавно перескакивая через встречавшиеся на пути вымоины и трещины... Меня они не видели и не чуяли. Ни одного тура с хорошими рогами не было... Я выбрал все же самого крупного козла лет трех-четырех на вид и, когда он поравнялся со мною, спустил курок... Выстрел громом разлетелся по ущельям, пороховой дым скрыл от

меня туров... Когда дым рассеялся, я увидел лежавшего на той стороне пропасти убитого тура... Он судорожно дрыгал задними ногами и замер. Остальные в мгновение ока скрылись, и я толком не разглядел даже направления, куда они бежали.

От радости я не знал, что делать. Бросился было к краю ущелья, но невольно отшатнулся — я мог только издали любоваться своим трофеем, а подойти к нему было невозможно: нас разделяла пропасть. Все надежды мои теперь были на Бадру — он поможет и найдет способ добраться до тура... Продолжать дальше охоту уж не хотелось. Поудобнее усевшись в своем каменном тнезде, я выкурил несколько папирос, но сон положительно одолевал меня, глаза закрывались сами собою, и я раскрывал их только страшным усилием воли... Вдруг — едва слышный далекий выстрел, следом — другой, скоро — третий и четвертый... Сна как не бывало. Я стал прислушиваться. Опять дуллет... Еще пара выстрелов. Всего я насчитал их девять...

Чтобы это могло означать? Неужели это Бадра так палит по турам, будто расстреливает выводок куропаток?..

Выстрелы прекратились, все смолкло. Я сидел в своей засаде еще с полчаса в напряженном внимании, но теплые лучи солнца так сладко пригревали, лишали воли, силы... Незаметно для

себя я заснул, приткнувшись спиной к скале. Спал я, вероятно, часа два-три. Внезапно проснувшись, я услышал шум осыпающихся выше меня камней, глянул туда и увидел Бадру: он едва переступал ногами, согнувшись под тяжестью груды перевязанного ремнями мяса, турьих голов, торчавших в воздухе ножек...

Он свалил свою ношу, сел, утер пот с лица, взял у меня папиросу...

— Я убил семь тура... — спокойно сказал он. — Один очин балшой упал далеко... низу... нельзя брать... Другой тоже... Пять я брал сюда...

Безумный охотник притащил на себе пять шкур с головами, пять филеев, десять ляжек, почки и еще разные куски мяса — в общем около пятидесяти килограммов. Убитые им туры были все молодые, с коротенькими рожками, и среди них — две козы.

— Зачем ты перебил напрасно столько зверя? — с негодованием набросился я на него. — Ведь двух туров было за глаза довольно! Сколько мяса ты бросил зря... Эх ты, бессовестный человек!...

Но Бадра органически не мог понять моего возмущения. Он самодовольно улыбался и уверял, что «туры — многа, это — ничево!..»

С чего тут надо начинать с такими охотниками-истребителями, как влиять и действовать на

них — представилось мне тогда неразрешимую задачею.

Отдохнув немного, Бадра поднялся куда-то выше, перебрался на ту сторону ущелья, освежевал моего тура и через час притащил его ко мне. Пуля попала под переднюю лопатку — зверь был бит на совесть... Все добытые нами туры принадлежали к западно-кавказскому виду тура *, широко распространенному в этой части хребта.

Один филей и четыре ляжки, завернутые в шкуру, уже неимоверно давили мне плечи. Что же чувствовал сейчас мой сван под своим грузом?

Медленно, часто отдыхая, с трудом добрались мы до балагана. Я ног не чувствовал под собою, меня всего шатало, голова кружилась, в горле пересохло... Выпил я наскоро кружку чаю с красным вином, едва сказал несколько слов товарищам — не до разговоров было. Как сноп, свалился на свою зеленую постель и заснул богатырским сном.

А с утра сыпал мелкий осенний дождь, все горы закрылись туманом, было сыро, темно и неприятно. Два дня еще мы поджидали перемены погоды, сидя в своем балагане. Уписывали вкусные шашлыки из туров, объедались крепким бульоном из туриных голов. На третий день, все под тем же несносным дождем, укутавшись в бурки и башлыки, мы пустились в обратный путь.

* *Capra sewerzowi* Mensb. (тип Северцова).

Х. ЛУННОЮ НОЧЬЮ

— А где же брод? — спросил я своего друга Ивана. Мы стояли верхом на конях у берега Бзыби, недалеко от ее устья. Река широкою сверкавшею под заходящим солнцем, полосой быстро неслась у наших ног. Иван здесь никогда не переезжал Бзыби, но острым взглядом как-то почуял, угадал брод. Кое-где, присмотревшись, можно было действительно заметить ближе подходившее к поверхности воды дно реки. Через гальку и мелкие камешки вода будто замедляла свой ход, задерживалась, чуть больше серебрилась, и этого было довольно.

— Езжайте за мною! — тоненьким тенорком закричал Иван, и наши лошади бодро вошли в реку. У берега они окунулись почти по брюхо в воду, но скоро выбрались на мелкое место, и только у противоположного берега мы опять чуть не поплыли, попав в главное русло реки. Я заголил, сколько мог, свои ноги, но все же раза два зачерпнул воды.

Вслед за нами перебрались через реку и наши собаки — «Амур» Ивана и мой «Раш».

Теперь мы ехали у самого моря, по влажному твердому песку, по тропинке, наторенной разъездами пограничников. После грязи и оврагов того берега Бзыби (мы двигались из Пицунды), после холодной ванны в реке лошади радостно и весело

трусили мелкою ходьбою по бархатному морскому песочку. Влево от нас за море опускалось багрово-красное солнце. Море лежало без движения, у берегов чуть плескался прибой. А справа, впереди дремучего букового леса, тянулась линия мелких болот, заросших густыми порослями ивняка, осокою, с большими кочками, из которых торчали пучки жесткой травы... За лесом — зелено-синие хребты и темные ущелья, еще дальше — зубцы и пики хребта, покрытые сплошь снегом, розовеющие в лучах заходящего солнца.

Вдруг «Амур» и «Раш» карьером понеслись один за другим. Впереди них мелькал пушистый хвост кота, который быстрыми скачками прыгал к болоту. Через мгновение раздался лай собак. Они окружили кошку и облаивали густую кочку, на которую та забралась. Быстро соскочили мы с лошадей. Ружья — в руках, мы — возле собак... Серdito поводя из стороны в сторону хвостом, кошка прижалась среди травы, злыми глазами сверкала на собак и сердито ворчала.

— Не стреляйте, я и так ее возьму! — сказал Иван. Улучив минуту и бросив мне свое ружье, он ловко наступил сапогом кошке поперек хребта и придавил ее к земле. А затем поднял правою рукою за шею, сдавливая ей горло мертвою хваткою и держа зверя на вытянутой руке далеко от себя...

Я первый и единственный раз в жизни видел, как человек душил руками лесную кошку...

Уже совсем темнело, когда мы подъехали к домику лесного сторожа — «управляющего», как он любил себя величать, — Оскара Карловича, длинного и худого старика-немца.

— Паевский здесь? — спросил я немца после обмена приветствиями.

— Здесь, здесь, только она лежит... У ней — малерий... Очень никарашо!.. — покачал головою старик.

Паевский, по прозванию «Свинота» (так обычно сам он называл кабанов), — наш друг старик-охотник. Мы с Иваном уговорились встретиться с ним у Оскара и поохотиться вместе на кабанов при луне. У него была пара порядочных гончаков, без которых нельзя найти подранков. Старик, оказывается, еще вчера пришел сюда из Гагр, где он жил, и сразу свалился в припадке злой малярии.

Жена немца, такая же, как и он, худая, длинная и старая немка, фрау Фрукка, с прилизанным пробором на седых волосах, чинно сидела в комнате возле Паевского, беспомощно разводя руками.

— Он чай не кочит, — говорила она нам шопотом. — Кушит не кочит, нишево не кочит...

А больной лежал под жиденьким одеялом и нервно вздрагивал, он не то спал, не то был в каком-то забытьи.

— Здорово, Свинота!.. Как дела, старик?.. Закрутило?

Паевский полуоткрыл глаза и сквозь зубы пробурчал, с усилием шевеля губами:

— Здорово... братцы... Не важно... Нет ли у вас... коньяку?..

Коньяк нашелся. Налили полный стакан. Фрукка дрожащими руками поднесла его больному. Он выпил залпом и скоро заснул, накрытый моим полушубком...

А мы с Иваном разложили вещи, накормили собак, подзакусили сами и стали готовиться к ночной охоте. По словам немца, кабанов — пропасть, и очень близко от дома. Весь лес перекопан и распахан, как плугом, их острыми рылами.

Но месяц всходит поздно, после одиннадцати; немец советует пока вздремнуть и отдохнуть с дороги. Не раздеваясь, ложимся с Иваном прямо на полу, на охапке сена, и сейчас же засыпаем, не слыша бреда больного Паевского, не чувствуя блох...

— Эй, охотники!.. Вставайте... Пора! — разбудил нас хриплый голос Свиноты. Он сидел на своем ложе, потный, какой-то красный... Приступ болезни прошел, старый охотник проснулся, взглянул на часы и добросовестно стал будить товарищей...

Мы вскочили, как встрепанные. Быстро надели на ноги легкие поршни — каломани — из свиной кожи, патроны — в карманах куртки

(патронташ ночью не нужен). Мы неслышно вышли из домика. Напавшая было со сна зевота мгновенно прошла на свежем воздухе, легкая дрожь пробежала по телу, разогретому сном и теплом комнаты, но десяток другой торопливых шагов — и все хорошо: ни холода, ни дрожи, ни сна! Тепло, как в сентябре, а на дворе — декабрь.

За верхушками темного леса рассеянный свет луны все ширится и разливается выше и выше. Выплыл кусок медно-красного таза. Поднимаясь, стал бледнеть и желтеть по мере подъема. Вот он уже над лесом. Звезды исчезли. Небо светлое, торжественное. В воздухе тишина. Ни звука.

Мы вошли в лес. Иван пошел влево, я — направо, уговорившись на рассвете сойтись в условном месте.

Один, в лесу, ночью. Не страшно, не жутко, а как-то непривычно. Чувствуешь себя здесь чужим, непрошенным, в каком-то другом, неведомом, волшебном мире. Светло как днем. Громадные буки бросают длинные черные тени на упавшую желтую листву. Только непроходимые заросли рододендрона и лавровишни образуют местами мрачные темные пятна. Лес — редкий, идти легко, как в парке, мягко ступает нога на толстый слой листьев. Залитые лунным светом прогалины и лесные дороги блестят и сверкают,

будто на солнце... Из-под ног шумно вырвался вальдшнеп. Сердце забилося от неожиданности, руки впились в ружье...

Иду, неслышно шагая, стараясь попадать в тень, пробираясь от дерева к дереву, чутко прислушиваясь... Вдали что-то хруснуло. Прилипаю к громадному буку в тени и замираю... Опять хруст, еще... уже ближе... Шагах в ста от меня, на ярко освещенной полянке, показалась темная туша свиньи, рядом — другая, за ними — несколько поодаль — еще одна. Все идут довольно скоро, пригнув морды к самой земле, с шуршаньем разворачивая рылом листья... Передние уже вошли в тень, когда на поляну вывалило еще штук шесть свиней... Я бесшумно опустился на колено, приготовив ружье. Но свиньи пошли куда-то в сторону, хруст понемногу замирал, скоро все стало тихо... Обидно... Опят иду, и у полянки, по которой только что прошли свиньи, затаиваюсь в тени дуба: быть может, следом за первыми еще пройдут...

Страшно хочется курит. Кажется, можно: ведь свиней поблизости еще нет. И — ветра нет. С наслаждением затягиваюсь. Вдруг шагах в двадцати от меня раздается громкий топот: видно, не менее трех-четыре кабанов с места ускакали от меня в противоположную сторону. Вот так покурил!.. С досады закуриваю другую папиросу и, накурившись, двигаюсь дальше.

Остановился в тени большого дерева. Месяц — высоко надо мною — сверкает через ветви деревьев, обливает лес мягкими, синеватыми, туманными лучами...

Чуть слышный шорох впереди среди густого рододендрона. Беззвучно падаю на колено и чуть не вскрикиваю от боли: коленом попал на колючую шишку каштана. Отбрасываю ее в сторону, ружье — на прицел... Каштаны... Очень хорошо... Ведь это любимое лакомство свиней. Сюда они, наверное, наведаются!.. Все смолкло. Сижу тихо, зная, как хитры и осторожны кабаны... Еще минута — тихий шум раздался ближе. На освещенную лунной лужайку медленно вышел небольшой подсвинок, за ним — другой, побольше. Приостанавливаясь на мгновение, они бороздили носом землю и громко чавкали, смакуя найденный каштан... Держу их на прицеле, но стрелять не хочу, ожидая добычи покрупнее... И вот за ними, как-то беспомощно и жалобно охая и кряхтя, показалась основательная свинья. До нее от меня — не более пятнадцати шагов, идет она ко мне боком. Целю под левую лопатку, нажимаю спуск... Гром выстрела потрясает лес. Свинья падает на колени, мгновенно поднимается и исчезает в рододендроне слева от меня...

«Не может быть, чтоб я промазал на таком расстоянии, да еще такую тушу», — думается мне. Подхожу к месту, где стрелял свинью. Крови

нет. Зажигаю свечу, иду по следу — несколько капель крови на опавших листьях, зато рододендрон, куда скрылась свинья, слева и справа от пробитого ею прохода густо вымазан кровью на высоте брюха свиньи. Ясно, раз кровь с обеих сторон — свинья получила сквозную рану в живот, очень далеко не уйдет, и завтра мы ее найдем по следу с гончаками.

Надламываю ветки рододендрона, чтобы запомнить место, куда ушла свинья, затесываю ствол дерева, под которым стоял, закуриваю и снова продолжаю свою сказочную прогулку, уже в обратную сторону — к дому.

 Не прошло и получаса после моего выстрела, как выпалил, в свою очередь, и Иван: раз за разом раздался его гулкий дуллет где-то недалеко от меня. И почти в то же мгновение целое стадо свиней — голов в двадцать — с громким топотом и шумом пронеслось впереди меня шагах в сорока... Они выныривали из тьмы, мелькали на ярко-освещенных местах леса и снова скрывались в таинственных мраках лесных дебрей. Стрелять было бесполезно. Широко раскрытыми глазами смстрел я на дикую картину, с замиранием сердца прислушивался к затихавшему вдали шуму от промчавшегося стада... Чу, опять шум!.. Хрунула ветка... Я снова в тени, за деревом, жду, ружье наготове... Но шум как-то не похож на звериный: он грубее, но не так гулок, как шум

зверя. Похоже на шаги человека. Подаю знак легким свистом. Слышу такой же ответ... Скоро на полянке появляется Иван.

— Не повезло, — виноватым голоском стал объяснять Иван. — Знаете, целое стадо на меня напоролось... Мне бы не жадничать, выбрать одного покрупнее, а я захотел дуплетом уложить пару, да и не взял ни одного. Ну, и стадище же было!.. А вы как? Чего убили?

Рассказал я ему про себя, как все было, но он, видимо, не поверил мне на слово и стал уверять, что, все равно, свиньи этой нам не найти. Меня это взволновало.

— Как не найти, Иван, когда я ей живот пробил?

— Ну, уж и пробил!.. Да почему это вы знаете? Может, там и крови-то нет, а вам показалось?..

— Ну, так пойдем туда сейчас, сам увидишь! Здесь недалеко...

Когда мы подошли к рододендрону, куда скрылась моя свинья, Иван зажег свечу, тщательно осмотрел листья и следы крови, прошел по чаще еще дальше и заметил, что там крови на листьях все больше...

— Нет, вы, оказывается, правы, — заявил он. — Рана — в живот навылет. Жить с ней она может дня два, но далеко, это верно, не уйдет... Завтра придем с собаками и добьем...

Решили на сегодня зашибашить. Было около пяти утра, скоро рассвет, в лесу потемнело, да и зверя мы распугали...

Быстро добрались до хижины немца. Не без труда разбудили его. Паевский спал мертвым сном и даже не слышал, как мы с наслаждением повалились рядом с ним на жесткие постели...

Уже высоко стояло солнце, когда, выспавшись и закусив, мы вышли с Иваном опять в лес искать подстреленную свинью. Паевский еще настолько плохо себя чувствовал, что остался дома. Собак его мы, конечно, забрали с собою на сворках.

И снова мы — в лесу. Его узнать нельзя. Таинственный, сказочный, нежный и светлый лес исчез. Мы видели обычную лесную картину, в которой все так определено, резко, так привычно и знакомо... Грязь в колеях лесной дороги, лошадиный и скотский навоз, взрытые свиньями участки, обнаженные от листьев деревья с некрасивыми сухими сучьями и — ни одного живого существа! Куда девалась его ночная сказочная мягкость, туманно-призрачная красота?.. Где бродившие ночью, оживлявшие его звери-привиденья?

Без труда нашли мы рододендрон, куда скрылась раненая свинья... Иван шел впереди с «Флейтой» на веревке, я — сзади, с «Шумилкой». Следы крови становились все заметнее, все гуще вымазаны лакированные листки почерневшею

кровью и кусочками сала. И вдруг следы резко прервались — нигде ни кровинки!.. А Флейта рвется из рук Ивана, — несомненно, чует где-то близко зверя...

— Знаете, — говорит Иван, — видно, рану ей затянуло салом, вот кровь и перестала брызгать.

Соглашаюсь с догадкой и предлагаю пустить собак... Пригнув носы к земле, гончаки исчезли в мгновение ока, и сейчас же в пятидесяти шагах от нас резко взвизгнула Флейта, подхватил Шумило, и обе собаки стали отчаянно лаять на одном месте.

— Нашли... Лежит, стерва! — выругался Иван.

Мы оба бросились через густые заросли к собакам. Но не дошли до них и десяти шагов, как захрустел кустарник, затрещал валежник, и свинья, как пуля, понеслась куда-то дальше. Собаки — за нею, с яростным гоном... И снова лай на месте: свинья опять залегла...

В самый жаркий летний день не приходилось так распариться, как в это декабрьское утро. Мы перескакивали через поваленные гниющие стволы деревьев, тонули в рыхлых кучах валежника, пробирались среди сплошной стены острошипового повойника и ежевики, пригибаясь временами до земли, чтобы пролезть под нависшими грозными колючками лиан, прыгали через кусты рододендрона, когда не хватало силы пробраться

через живое сплетение его упругих ветвей... И каждый раз, когда кто из нас подходил вплотную к гущине, где ложился зверь, чтобы нанести ему последний удар — удар «милосердия», — свинья срывалась с лежки и перебегала на новое место, на пятьдесят — сто шагов дальше...

Совсем измученный, засадив себе в ладонь большую занозу, исцарапав о колючки все лицо, я, наконец, с радостью услышал впереди себя громовый выстрел Ивана и его спокойный голос: «Г о т о в а!..»

Свинья лежала в такой колючей чаще, что пришлось прорубать кинжалами проход, через который мы с Иваном едва выволокли за ноги ее громадную тушу.

Все наши догадки подтвердились, когда мы осмотрели зверя. Пуля прошла навывлет через область живота на уровне лопатки. Оба отверстия раны были забиты кусками сала как пробкою. Вот отчего прекратился кровавый след!..

Не только я, но и привычный Иван утомился. Мы сели на еще теплую тушу свиньи, тяжело дыша от нестерпимой жары...

ХІ. НА ИНГУР, ЗА ФАЗАНАМИ

Охота по кабанам, козлам, медведям, поездки в горы, где я не столько стрелял, сколько наблюдал туров и быстроногих серн, стрельба пролет-

ных перепелов, зимующих вальдшнепов и уток, — все это было мне хорошо знакомо — много раз ежегодно приходилось ездить на такие охоты. Но охотнику всегда хочется поохотиться за незнакомой для него дичью.

Таким соблазном был для меня тогда фазан.

Я еще застал остатки фазанов под самым Сухумом: на реке Гумисте и дальше, по берегу моря, вплоть до Нового Афона, доживали свой короткий век десятка два длиннохвостых красавцев. Вероятно, последний из них был убит на моих глазах. Расчистка и распашка бывших когда-то здесь зарослей лишили фазана возможности гнездиться в этих местах. Ездил я к селению Петропавловскому, в сторону Гудаут, и за два дня усиленной ходьбы среди невероятных колючек и зарослей видел там лишь одного, промелькнувшего между кустами, фазана. Неоднократно бродил с собакою между ежевичников вокруг Очемчир, где их было будто бы много, ночевал в неприветливом духане * в Оцарче, которое считалось фазаньим местом, топтался по живописным берегам устья Кодора, добирался в поисках фазанов до Глии, — все безрезультатно. Увидишь одного, двух, еще реже — возьмешь когда-нибудь одного за целый день шатанья по непролазным чащам колючек и лиан. Весь исцарапаешься, обо-

* Духан — харчевня.

рвешься, устанешь, а главное — разочаруешься и в этом новом месте.

Но вот приехал как-то ко мне мой приятель, тоже охотник, самурзаканец Петре. Он прямо поразил меня рассказами о множестве фазанов на Ингуре, где он жил, и взял с меня слово, что я приеду к нему поохотиться.

Около середины декабря я отправился на Ингур.

Едва стало светать, как я поднялся. Почищена и заседлана лошадь, приторочены хурджины, ружье — за плечами... Еще несколько минут, и моя небольшая лошадка мелкою иноходью понесла меня по очемчирской дороге, а рядом, веселые и довольные, трусили мои собаки — Раш и Кодор.

Трапезундские горы, за Кодорским мысом, четко выделялись на горизонте, за ними яркими огненными брызгами уже вылезало солнце, справа море спокойно плескалось у берегов, чуть покрытое рябью от предрассветного ветерка. Вдали розовели паруса, медленно колесом переваливался дельфин... Слева — зеленые дачи со своими магнолиями, пальмами, араукариями и суровыми кипарисами...

Не заметил, как проехал Дранды, подъехал к Кодорскому мосту.

Проехал густые леса Адзюбжи, притон кабанов и шакалов. Вот — Тамыш. Духан. Остановка.

Надо подкормить коня да и самому подкрепиться.

Несмотря на декабрь, солнце пекло отчаянно. Я с удовольствием посидел два часа на тенистом балкончике духана, съел с аппетитом «журички вариони», запил стаканом легкой «изаbelлы», или по-местному «одесса», побеседовал с разговорчивым хозяином-мегрельцем.

Мой Гнедой тоже окончил свою порцию золотистой кукурузы, собаки получили свою долю. Я — опять в седле, и снова, легко покачиваясь на ходу, лошадка несет меня к Очемчирам.

Опять показалось море, дорога подошла к нему близко, кругом мокрая равнина с болотами, гнилыми тихими речками, с камышами по берегам; у моря лежат сотни гниющих гигантских ореховых брусьев, неизвестно зачем и когда сюда сваленных... На болоте перелетают стайки уток, чайки реют в воздухе, медленно плывет в небе серая цапля, вытянув длинные ноги и издавая резкий тревожный хрип. Солнце опустилось почти в море, вот-вот нырнет в его прохладную бездну...

Устроившись в скромном номере единственной очемчирской гостиницы, я пошел добывать себе на завтра проводника, так как решил ехать в Отобайя не обычной зугдидской дорогой, а берегом моря — через Гудаву, Гагиду и т. д., — новым для меня и более интересным путем. Мне повезло... Тут же, в духане, рядом я встретил сельского

рассыльного, местного самурзаканца, который утром должен был ехать намеченною мною дорогою в Набакеви, т. е. почти туда же, куда и я.

Прошла отвратительная ночь на тюфяке, набитом блохами и клопами вместо соломы. Я встал, умылся, закусил и выпил чаю, оседлал своего Гнедого, а Мурзакана, так звали рассыльного, еще нет. Уже седьмой час, а его все нет. От нетерпения курю папиросу за папиросой. Наконец появился и желанный проводник, на маленькой белой лошадке, так же, как и я, в бурке, надетой по абхазскому фасону, необыкновенно практичному при верховой езде, особенно в дождь или ветер: застежка бурки лежит на правом плече, ее середина — на другом, а левый край, перекинутый через седло направо, защищает всего всадника и особенно его грудь от непогоды.

В половине седьмого мы тронулись в путь, перебрались в брод через шумную Гализгу и по мягкой тропке быстро двигались у самого берега моря к Ингуру. Солнце уже встало из-за гор, но приятная свежесть бодрила и радовала, над морем носились едва заметные пары, быстро таявшие в воздухе.

Мурзакан мало понимал по-русски, я не знал по-мегрельски. Ехали молча.

Собаки, помахивая хвостами, бежали в стороне, обнюхивали каждый кустик, подымая иной раз

лапу и жадно вдыхая какие-то неведомые ароматы, пили из каждой лужицы, из каждой речушки, которую мы переезжали. Временами на мой свист всегда деятельный и бодрый Раш быстро подбегал ко мне и как бы спрашивал: «В чем дело?» А ленивый Кодор лишь приостанавливался на месте и только, помахивая хвостом, вопросительно глядел на меня издали. Обе собаки были по характеру полной противоположностью друг другу.

Отъехав около двадцати километров от Очечир, мы сделали небольшую остановку в Гагиди, в духанчике у лесопильного завода.

Буйволы, погруженные по уши в воду, по болотам и топям, окружающим Гагиди, вылавливали ясеновые бревна к заводу из окрестных лесов. Когда-то, и не так давно, всего лет двадцать назад, в этой местности были сплошные, главным образом дубовые, вековые леса, набитые оленями. Я сам знал многих местных жителей, которые бывали здесь на охотах и лично видали за день по несколько десятков рогалей. Но явились предприимчивые бельгийцы, поставили мощную паровую машину, нагнали рабочих и за какой-нибудь десяток лет очистили леса от дуба, распиленного, сложенного в штабеля и вывезенного за границу. Зажили тогда гудавагагидские леса новою, шумною жизнью. Гулко гудели по лесам свистки завода, визжали резкие

пилы, сваливая столетние дубы, везде стучал топор. Олени встречались теперь с человеком изо дня в день, постоянно, во все сезоны, и утром, и вечером, и в мае, и в декабре. Стреляли их директора-бельгийцы, приезжали на охоту по ним «знатные иностранцы» — какие-то германские принцы, били их заводские стражники, били и рабочие ради мяса. И олени очень быстро исчезли. Остатки их перебрались частью через Ингур в анакийские и потийские болотистые леса, часть прошла по Ингуру вверх в предхребтовые горные леса. Теперь в Самурзакани оленей уже нет... Нет и дубовых лесов. Остались болота, поросшие ясенем, который тоже дорубают, да гектаров сто превосходной жирной земли на месте усадьбы бывших абхазских владетелей, на которых произрастает лучшая в Самурзакани кукуруза, ростом до двух метров, с ежегодным урожаем до пятидесяти центнеров с гектара.

Около трех часов дня, проехав замысловатыми мокрыми тропами среди зарослей, окружающих старое русло Ингура, по трясущимся гатям и мосткам, я расстался с проводником. Он указал мне направление, и я поехал уже один. Дорога шла среди хуторов абхазо-мегрельского типа. Повсюду стояли увитые плющем чинары и акации. Мое появление то и дело приветствовали визгливым лаем мелкие шакалообразные собаки. А вот и двор моего друга Петре, который я сразу

узнал по чинаровой аллее, описанной им мне еще в Сухуме. Я невольно приосанился, хлестнул нагайкою лошадь и под громкий лай и визг десятка собак въехал во двор.

Милый хозяин отвел в мое распоряжение целую комнату с опрятными тахтами *, покрытыми коврами, с чистыми белыми занавесками на окнах и неизбежным бухаром, который вскоре запылал веселыми огоньками, затрещал и засвистал, распространяя приятное тепло и навевая спокойное, хорошее чувство деревенского уюта и тишины. Усталые псы улеглись на коврик и сейчас же заснули. Я слегка приоделся, счистил дорожную пыль и вместе с хозяином вышел в «парадную» комнату. Там уже хлопотала его жена, уставляя стол всякими местными яствами и бутылками вина.

Петре сказал, что фазанов много, что он дня три назад нарочно ходил на разведку и, шутя, за два-три часа взял девять петухов. Я взволновался. Неужели я в самом деле попал в такое фазанье Эльдорадо? Неужели и я убью десяток золотых красавцев?

Явились молодые родственники Петре. По-знакомились. Двое оказались охотниками. Один предложил взять завтра с собою «мимино» (сокола), от чего я, конечно, с благодарностью отказался; другой заявил, что пойдет со мною с

* Тахта — деревянная широкая лавка для спанья и сиденья.

цалдою (топорик-секира), чтобы прорубать дорогу среди колючек. Я отказался было и от этого предложения, но Петре решительно сказал, что это совершенно необходимо, и другой раз без цалды можно не выбраться из зарослей колючек. В этом мне пришлось вскоре убедиться на личном опыте. Условились завтра утром выйти часов в семь, не раньше, а пока сели за стол. За вкусными блюдами хозяйки (бечи, сациви из зайца, вареная курица с сацибели и гоми и др.), которые мы запивали прекрасным зугдидским вином, за разговорами, тостами и пеньем, мы весело и беззаботно просидели до полуночи.

Прощаясь, Петре вдруг глянул на жену. Лицо его приняло озабоченный вид, и он сунул палец себе в ухо.

— Федосия, а ты не чувствуешь ничего в ухе? — спросил он.

Хозяйка кивнула головой и заявила, что и она ощущает «сырость» в ухе. Оказалось, что ушной барометр моих хозяев показывает на дождь... Вот еще оказия!.. Бежим на балкон — звезды сияют на небе во-всю, никаких оснований для тревоги. И я спокойно засыпаю.

Около шести утра соскакиваю с постели и быстро одеваюсь. Солнце, видимо, еще не встало, тусклый серый свет едва пробивается сквозь занавески. Я как-то машинально подхожу к окну, отдергиваю занавеску...

Весь двор покрыт лужами, небо темное, свинцовое, и мелкий, подлый, сухумский зимний дождик медленными тонкими нитями, как сквозь частое сито, сыплет на землю. Такие дожди бывают и на неделю, и на две, а случается — и на месяц. Вот не везет!

Сам не свой я выскочил к хозяину.

— Петре дорогой, что же это такое? — Я чуть не сказал: «Что же это вы сделали?»

— А это — сырость в моем ухе. Вчера вы этому не поверили...

Однако Петре не терял еще надежды. Пока пригласил пить чай и закусить, а дальше предложил, если не прояснится, все же выйти на охоту и охотиться в обычные между дождем перерывы в два-три часа, а дождь — пережидать где-нибудь под прикрытием.

Не так, чтоб уж очень, понравилось мне это предложение, но делать нечего. А жаль! Ведь какая стояла погода вчера, третьего дня и все эти дни, а вот сегодня как раз испортилась!.. Ходить среди зарослей после дождя — значит вымокнуть до нитки, да топтаться еще по болоту... Да ведь и фазан, пожалуй, не будет подниматься в такую мокроту... Что сам намокнешь — это еще полбеды.

Попили чаю, закусили. Молчаливо сидим в полном вооружении, сердитые, грустные, и ждем, не прекратится ли это наказание.

А дождь все сыплет, мелкий, назойливый, пронизывающий насквозь.

Но вот на лужах во дворе как будто не видно больше пузырей. Еще серо и мрачно небо, но часть его как-то просветлела, дождь перестал.

— Идем!

Я плотно застегнул свою бобриковую куртку, патронташ надел под нее, на голову напялил просмоленную брезентовую шапку, украшающую и спасающую обычно извозчиков в Поти, Сухуме и других дождливых городах побережья, опустил ружье дулом вниз и покорно пошел за Петре. Серапион с цалдою следовал за мною. Около нас бежали два гончака и три дворняжки хозяина да два моих пса.

Мы прошли немного по дороге, завернули в какой-то заброшенный огород и подошли к плетню, за которым росли кустарники ежевики, а между ними — стебли срезанной кукурузы.

— Вот мы и на месте! — сказал Петре.

Мы зарядили ружья, и Петре стал перелезать через низенький плетень. Я последовал было за ним. Но не успел он опустить ногу за плетень, как с шумом и треском вырвался фазан и на секунду замер над нашими головами. Быстро слетели с плеч наши ружья, и два дружных дуплета огласили воздух. Я вспомнил свою мечту о «королевском» выстреле. Фазан невредимо улетел, мы сконфуженно переглянулись, мои собаки заис-

Stamps & Co.

кали, гончие затывкали на выстрелы и бросились вперед.

Досада на свою неловкость быстро прошла от сознания, что фазаны здесь, очевидно, есть, что они — не миф, не плод воображения.

Пошли дальше, подозвали гончих и, перескочив через какую-то канаву, очутились в довольно редком, не то молодом лесу, не то запущенном саду с невысоким кустарником и густою травой между деревьями. Гончие и дворняжки ринулись вперед. И вдруг целые десятки фазанов, петухов и кур, с треском и квохтанием стали вырываться из-под собак и разлетаться во все стороны. Я совершенно растерялся, не знал, куда смотреть, что делать, и безнадежно водил ружьем за улетающими вне выстрела фазанами. Я заметил, как один из петухов направился к высокому дереву, с громким криком уселся на него и стал, вытягивая голову, озираться по сторонам.

Я забыл Петре, своих собак, забыл решительно все. Скрываясь за кустами, бросился к заветному дереву, где сидел фазан. Вот уже близко, не более сорока шагов до него, ружье у плеча, но руки дрожат как в лихорадке — едва нахожу мушку. Нажимаю спуск, и золотой красавец валится на землю, весь трепеща и как бы отбиваясь. Я бегу к своей жертве, чтобы схватить ее раньше моих собак, и, волнуясь, дрожащими руками привешиваю фазана к поясу. И только

тогда мне стало стыдно за мою мальчишескую горячность, за промышленническую жадность, за тот чисто звериный инстинкт, который так охватил меня, что я забыл и обычную выдержку, и честь охотника, и моих верных псов, которым при подобной охоте ведь делать нечего... Я постоял, успокоился, выкурил папиросу и решил дальше охотиться по-настоящему, по-культурному, бросить этот глупый азарт и горячку. Подошел Петре и снисходительно поглядел на меня. «Эка, — мол, — невидаль эти килори (фазаны по-мегрельски), чтобы так увлекаться...» Я спросил его о местности, чтобы ориентироваться, и мы разошлись.

Его гончие и дворняжки гоняли без передышки фазанов, и далеко слышно было, как тяжело и неохотно подымались из-под них намокшие под дождем птицы. Изредка слышались громовые выстрелы Петре.

Погладив собак и дав им обнюхать убитого фазана, я медленно, не спеша, стал обходить те места, где еще не проходили гончие. Серапион в отдалении следовал за мною.

Раш энергично кружил вокруг кустарников, обнюхивал всякую кочку, всякий пучок травы, а Кодор ходил с прохладцем, ленивым скоком, высоко подняв голову. У одного густого пучка осоки на берегу ручья обе собаки сошлись и сразу замерли. Раш как бы врос всеми четырьмя но-

тами в землю, уставясь в одну точку. Кодор с противоположной стороны, повернув вполоборота голову, картинно подняв правую лапу и, наоборот, пригнувшись к земле, стоял тоже как изваяние. Я прямо залюбовался этим чудным зрелищем, в голове блеснуло сравнение с позорной стрельбою моего фазана на дереве... Ружье приготовлено, двигаюсь не спеша между собак... Как роскошная ракета, с треском и сердитым криком вылетает красавец-петух. Выстрел — и он беспомощно падает. В ту же секунду из того же ничтожного кустика с таким же шумом и криком поднимается второй. И этот ложится невдалеке. Через мгновенье обе птицы — в зубах у моих собак.

Только охотник поймет мои переживания и оценит то счастье, которое испытал я тогда благодаря удачному дуплету. Собак я готов был целовать, а Серапиону радостно крикнул: «Жири килори!» *

Едва прошел я отсюда несколько десятков шагов — новая стойка Раша. Из куста ежевики срывается еще петух. Стреляю — летит, второй выстрел — петух повалился в кусты. Собаки бросились к нему, но фазан знал, куда падать: непролазная колючая стена отделяла его от нас. Ясно были видны ярко-золотые перья фазана,

* Два фазана.

судорожно вздрагивавшего и бывшего по земле крыльями, но пробраться к нему ни я, ни собаки не могли. Тут я вполне оценил магическую цалду Серапиона, который быстро извлек из неприступной чащи моего, уже четвертого, фазана... Ноша была довольно основательная, но я еле замечал ее и в каком-то упоении шел дальше и дальше.

Раш опять стоит. Быстро иду в его сторону, но фазан не выдерживает, видимо, слишком близко насевшей на него собаки и поднимается вне выстрела. Раш виновато смотрит на меня, помахивая хвостом, и устремляется на новые поиски. Вот они с Кодором вдруг что-то завозились у зарослей ежевики, остановились, потянули носами и медленно пошли по следу, пробираясь среди колючей стены. С ружьем наготове, я следую за ними по пятам, все более и более углубляясь в заросли. Но вот они стали.

— Пиль!

Кодор недвижим, а Раш обегает полукругом куст и с той стороны бросается в него. С трудом, шумно выбиваясь из колючек могучими крыльями, из куста, свечою прямо в небо, с сердитым квохтанием вылетает старый петух и замирает на мгновение в воздухе, прежде чем взять направление. Но это ему не удастся сделать. Он падает замертво на тот же куст, из которого только что с такими усилиями выбрался. Изрядно провозился я, пока достал петуха, исцарапав себе в кровь руки.

Оглядевшись, я не узнал местности, не мог даже сообразить, как я сюда попал: кругом — непролазные густые колючки, ежевичник, оплетенный какими-то цепкими лианообразными растениями, тропки нигде не видно. Я запрятал руки в боковые карманы, сдвинул сумку за спину, чтобы не рвать о колючки фазанов, и, надеясь на крепость своего бобрика, стал лезть напролом, как мне казалось, в сторону Серапиона. Пролез я так метров двадцать, весь вспотел, а выхода все нет: я забрался уж совсем в непроходимую чащу. Собаки с недоумением глядят на меня, осторожно пробираясь следом за мною... Что же делать? Вот тут мне показалось как-то свободнее, будто заросшая тропка... Двигаюсь в этом направлении и выбираюсь к высокому заплетенному лианами и диким виноградом дереву, окруженному зелеными побегами ежевики... Кодор бросается туда и выпугивает пару вальдшнепов. Один из них падает под моим выстрелом тут же в кусты, но достать его невозможно. Я окончательно застрял в колючках... И вдруг — далекий, едва слышный голос Серапиона. От отчаяния я перешел к надежде, ожидая помощи и освобождения его волшебной цалдою.

— Сюда, сюда!.. Серапион — ууу!.. — надрывался я, призывая во весь голос своего спасителя.

Все ближе раздавались его ответные крики, но ясно было, что, несмотря на свою цалду, он

только медленно и с трудом продвигался в мою сторону. Тут только я заметил, что основательно намок, что и куртка и брюки мои напитались водою с кустов, бурьянов и высокой травы, среди которых я ходил вот уже больше двух часов; сапоги тоже размокли в грязи, порыжели и были изрезаны колючкой... Но от ходьбы среди ежевики я так разогрелся, что от меня шел пар, как от почтовой лошади в дождливую погоду...

Серапион был уже близко, когда на лицо мне брызнула капля, за нею — другая, третья... Снова посыпал длинными тоненькими струйками мелкий противный дождик. Охоту пришлось кончить.

Мокрый, но счастливый, стоял я через полчаса с Петре на низеньком балкончике пацхи какого-то селянина, приютившего нас под своим кровом. Детишки окружили нас толпою, весело шептались между собою, временами робко трогали наших фазанов рукою и что-то объясняли друг другу...

У Петре было три фазана и вальдшнеп, у меня болталась солидная связка в шесть фазанов.

— Ну что, Гено? Пойдем домой обедать? — спросил Петре.

Но я и слышать не хотел о доме. Зачем кончать охоту, когда еще только половина первого? Неужели до вечера не будет опять перерыва дождя?

Мои доводы подействовали, а тут еще затрещал веселый огонек в бухаре, и мы основательно обсушились и погрелись. Собаки тоже не отставали от хозяев, быстро обсушили у огня свою мокрую вонючую шерсть и теперь зализывали на лапах нанесенные колючкой раны...

Наконец, около четырех часов дня дождь прекратился. Мы бросились опять в кусты, выбирая на этот раз, по совету Петре, более открытые поляны и лужайки, где теперь скорее можно было поднять фазана.

Мой неразлучный спутник Серапион посоветовал мне пройти на видневшиеся недалеко среди леса и кустов мокрые зеленые лужайки, поросшие густою, вроде осоки, травою, по-местному — «иссыт», которою селяне кроют здесь свои крыши. Едва я перелез через плетень и попал в этот «иссыт», как собаки разом стали в разных местах. Не сходя с места, я взял пару роскошных петухов. Как это ни странно, но на таких маленьких лужайках — размерами в триста — четыреста квадратных метров — я подымал по десятку и более фазанов. Многие из них улетали без выстрела, по многим я безбожно мазал, но все же к концу дня у меня было уже одиннадцать штук фазанов и три вальдшнепа. Плечо ныло от непривычного груза, но я все еще бодро ходил и даже раза три-четыре перескакивал через довольно широкие канавы.

К вечеру, как известно, фазан выбирается на более чистые места. Потому на этот раз я и не забирался в чащу, а медленно обхаживал полянки и лужайки, решив взять еще одного — двенадцатого — петуха и на том забастовать. Скоро Раш за кустом поднял желанную жертву, и я срезал петуха на вскидку удачным выстрелом. «Ну, кма́ра!» * — сказал я себе, снял сумку, привесил последнего петуха, любуясь роскошной пачкою добытых сегодня птиц, и стал пересчитывать свою добычу. Сознаюсь — это доставило мне тогда большое удовольствие.

К моему удивлению, я насчитал только девять фазанов. А где же еще три? Опять пересчитал — опять девять... Что за оказия?.. И вдруг на петле удавчика я увидел одну головку фазана, на другой — голова едва держалась... Тут я все понял, вспомнив канавы, через которые так энергично прыгал... Век живи — век учись! Но поправлять счет было уже поздно: солнце село, наступили короткие зимние сумерки, ежеминутно мог опять полить дождь, да и Петре нетерпеливо кричал и звал меня...

Через полчаса мы были дома и за стаканом доброго имеретинского вина оживленно болтали о своих успехах и неудачах.

* Довольно.

Конечно, свой первый бокал я выпил за здоровье Серапиона, без которого я мог и не обратиться из предательской гущи колючек.

Счастливым и довольным охотой, в надежде на погоду и удачу на завтра, согретый обильным ужином и теплом, быстро заснул я на своей мягкой постели... А дождь за окном медленно, настойчиво все капал и капал. «Ничего, — думалось мне, — пусть льет, на завтра меньше останется»... Но его, оказывается, хватило и на завтра, и на послезавтра, на все три дня моего пребывания у Петре. Правда, и в эти оба дня дождь временами давал передышку, которою мы пользовались и выходили на охоту. Всего за три дня таких просветов набралось пять, и за это время, не считая потерянных, я взял двадцать семь фазанов, четырнадцать вальдшнепов, одного зайца и штук пять случайных бекасов.

Когда милый хозяин подарил мне еще свою добычу — тринадцать фазанов и семь вальдшнепов, я недоумевал, как доведу этот основательный груз до Сухума.

Но дело устроилось прекрасно. Кто-то из местных селян ехал по делам тоже в Сухум и за пять рублей охотно согласился довезти мне мою дорогую добычу.

Не стану описывать прощального ужина у гостеприимного Петре, ни того, что мы вкусного ели и сколько пили, ни как переправлялись в брод

через Гализгу, ночью, под проливным дождем, в страшной грозу, при волшебном свете бесчисленных молний (это — 21 декабря!), как доехали до Сухума. Я только скажу, что никогда не забуду этой охоты. Страстная жажда моя попасть на фазаньи места была удовлетворена. Я наслаждался во-всю охотою, настрелялся вдоволь и провел чудесно время среди милых, радужных, простых людей...

И хотелось бы когда-нибудь, хоть раз еще, попасть на эти заманчивые берега Ингура.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
I. От Сухума — к великому хребту	3
II. Медведь-спаситель	16
III. На северном склоне хребта	25
IV. Среди туров	32
V. Неудачи	44
VI. Мой первый тур	52
VII. Смерть за смерть	62
VIII. Возвращение	72
IX. Охота на туров у Маруха	85
X. Лунною ночью	103
XI. На Ингур, за фазанами	114

avx-57.

2631

2007084300